

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

С. МАРКОВ

МИКЛУХО-МАКЛАЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ-1944

- [Сергей Марков](#)
 -
 - [ОТ БОРОВИЧЕЙ ДО МАРОККО](#)
 - [ЗАВЕТ КАРЛА БЭРА](#)
 - [ЗДРАВСТВУЙ, ПОЛИНЕЗИЯ!](#)
 - [БЕРЕГ МАКЛАЯ](#)
 - [НОВЫЕ СТРАНСТВИЯ](#)
 - [СРЕДИ ЛЮДЕЙ ЛЕСА](#)
 - [ЧЕРНЫЕ ОДИССЕИ](#)
 - [АРХИПЕЛАГ ДОВОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ](#)
 - [СТРАНА ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ](#)
 - [СТРАНА ЛЮДОЕДОВ](#)
 - [ГОСПОДИН ОТТО ФИНШ](#)
 - [СЫН ОТЕЧЕСТВА](#)
 - [«ЗНАК МАКЛАЯ»](#)
 - [МЕЧТА О ЛАЗУРНОЙ СТРАНЕ](#)
 - [РОДНАЯ ЗЕМЛЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Сергей Марков

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Описать жизнь Н. Н. Миклухо-Маклая — благодарная, но очень трудная задача. Необычайная жизнь этого человека не укладывается в рамки обычного биографического повествования. Она настолько красочна, что о ней можно написать не одну книгу. Деятельность Миклухо-Маклая была исключительно разносторонней. Мир знал его как бесстрашного путешественника, пламенного защитника темнокожих народов. Он сочетал в себе географа, зоолога, анатома, антрополога, этнографа, художника. Миклухо-Маклай знал семнадцать языков и наречий. Он побывал во всех частях света. Что-то волшебное есть в его скитаниях от древних новгородских стен и невских берегов до тущоб Малакки, от холмов Москвы до коралловых заливов Новой Гвинеи. Сын великого русского народа, он любил свой народ и все человечество, прославляя русскую науку и русское мужество в странах лазурной Океании.

Всю свою жизнь Миклухо-Маклай посвятил изучению человека. На исходе XIX столетия, в эпоху пара и электричества, он прожил много лет среди детей природы, среди людей каменного века. Изучение жизни и быта туземцев стран южного Тихого океана — Меланезии, Микронезии и Полинезии — обогатило не только русскую, но и мировую науку подлинно драгоценными сведениями, добытыми путем неустанного труда и вечного подвига. Один из создателей современной антропологии, Миклухо-Маклай, смело и страстно выступал против расовой нетерпимости, действуя под знаменем подлинной науки. Вся его жизнь прошла в борьбе с лжеучеными, реакционерами от науки, делившими человечество на активные и пассивные расы, в борьбе с колонизаторами и работоторговцами.

Русский ученый Миклухо-Маклай, более десяти лет общаясь с представителями самых «диких» племен, заявил всему миру, что так называемых «дикарей» не существует в природе, что физические различия, в частности форма черепа, разделение человечества на «длинноголовых» и «короткоголовых», чем тогда увлекались многие антропологи, не могут служить мерилom духовных качеств и особенностей того или иного народа. И в работах на Малакке, и в своих многолетних работах на Новой Гвинее Маклай показал постепенное исчезновение расовых признаков в результате

установления хозяйственных и культурных связей между народами. Стараясь быть беспристрастным, Миклухо-Маклай применял все научные методы своего времени с единственной лишь целью — доказать видовое единство всего человечества. Он учил, что папуас, негр, русский, монгол, англичанин представляют собой лишь один вид «*Homo sapiens*» — Человека разумного.

Враги Маклая — мракобесы, реакционеры и работорговцы, — пользуясь тем, что его творения и материалы о нем не были изданы и исследованы, старались очернить, оклеветать великого ученого и при жизни, и после его смерти. Но лучшие люди его эпохи — Лев Толстой и Тургенев, ученый-коммунар Элизе Реклю и творец антропологии Поль Брока, дарвинисты Геккель и Гексли — признавали Маклая. Отвага, воля и упорство Миклухо-Маклая удивляли его современников, как бы ощущавших в общении с ним его будущее бессмертие.

В памяти нашего народа и всего передового человечества Николай Маклай навсегда останется ученым, прославленным во всем мире, чистым, бестрепетным и бескорыстным борцом за счастье людей.

ОТ БОРОВИЧЕЙ ДО МАРОККО

Родина этого замечательного человека — лесные новгородские просторы, где затерялось сельцо Рождественское, что близ города Боровичи. Название сельца давно исчезло с карт: вероятно, Рождественское было простым временным рабочим поселением при постройке железной дороги Москва — Петербург. Из истории постройки этой линии невозможно вычеркнуть имя инженер-капитана Н. И. Миклухо-Маклая, худого темноволосого человека в очках. Участок дороги от Петербурга на Чудово и Мету — дело его рук. Он выстроил опытный участок линии Петербург — Колпино и уложил рельсы на пути к Александровскому заводу, из ворот которого 7 мая 1847 года вышел первый паровоз. Капитан Миклухо-Маклай работал потом на участке дороги Вышний Волочек — Тверь, позже он был первым начальником Николаевского вокзала в Петербурге. Это был отец Николая Маклая.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился в 1846 году. С детства он привык к нужде. Ему было одиннадцать лет, когда умер отец, оставивший семью в бедности. Нужда преследовала его в годы отрочества, когда он учился в гимназии; студентом Маклай самолично штопал свой убогий наряд.

Странствия Маклая по земному шару, охватившие все пять частей света, начались в 1864 году. Лишенный возможности продолжать образование в Петербургском университете, Маклай решил перебраться в Европу. Два года он слушал лекции на философском факультете знаменитого Гейдельбергского университета в Германии, затем перекочевал в Лейпциг, где занялся медициной. Через два года мы видим бедного русского студента в покрытой заплатами, но всегда чистой одежде, расхаживающим по известняковым склонам гор, которые окружают тихий университетский городок Иену. Здесь Маклай обратил на себя внимание знаменитого естествоиспытателя Эрнста Геккеля. Геккель, высокий, светлоглазый, бородатый человек, воинствующий материалист и один из первых последователей Дарвина, полюбил молодого студента, в котором видел будущего натуралиста, и в 1866 году взял его с собой в большое научное путешествие; двадцатилетний Маклай впервые перешагнул порог старой Европы.

Мадейра, Тенериф, Гран Канария, остров Ланцерот, знойное марево Марокко, дикий утес Гибралтара, виноградники Испании, улицы Парижа и,

наконец, снова тихая Иена — таков был маршрут первого путешествия Маклая. В Гибралтаре наш путник с волнением смотрел на северный склон исполинской известняковой скалы. Здесь, в земном прахе, был найден древний человеческий череп, похожий на те останки, которые недавно были обнаружены в Неандертале. И вот во всех частях света в кабинетах антропологов идет спор: можно ли видеть в бранных останках из Неандерталя и Гибралтара кости наших общих предков? В Париже и Иене Маклай жадно прислушивается к спорам. Парижский антрополог Поль Брока, создатель науки о естественной истории человека, окруженный черепами и берцовыми костями, упорно изучает строение, форму голов древних и современных людей. На полках его лаборатории, оскалившись, стоят черепа древних фараонов и калмыков, средневековых французов и черных африканцев, пиренейских басков и ископаемых людей из пещер Европы.

В 1868 году антропологи делают новое открытие, прогремевшее на весь мир. Скелеты ископаемых людей найдены в Кроманьоне. Снова возгорается полный страсти научный спор о происхождении человека. Ученые резко делятся на два лагеря: моногенисты стоят за единство происхождения всех народов; полигенисты утверждают, что различные расы имеют различное происхождение, создавая таким образом почву для утверждений о неравноценности рас. Гуманист Брока защищает идею единства человеческого рода. Его работы с черепами не разобцали семью человечества, а содействовали ее единению. Брока, так же как и Маклай, был другом людей. В дни Парижской коммуны герои городских баррикад несли почетную стражу у дверей дома Брока. Бойцы Национальной гвардии с ружьями наперевес охраняли покой ученого-гуманиста.

— Я нахожусь здесь, чтобы гражданин Поль Брока мог спокойно работать на благо Франции, — просто ответил солдат Коммуны, когда его спросили, зачем он стоит в карауле у дверей особняка.

Геккель, Брока, Дарвин — вот великие имена подлинных учителей Миклухо-Маклая. В Иене он сближается со сторонником Дарвина, доктором Антоном Дорном, с которым работает на берегу Мессинского пролива, изучая ракообразных, морских губок и других животных непосредственно в связи со средой. Когда наступила тоска по новым странствиям, Маклая потянуло на раскаленные берега Красного моря. Изучив фауну Средиземного моря, молодой ученый захотел исследовать животных Красного моря и наметить связь фауны красноморской с фауной Индийского океана.

В марте 1869 года, когда поверхность африканских Горьких озер

зарябила от первых вод, пущенных по руслу нового Суэцкого канала, Николай Маклай появился на улицах города Суэца. Как истый мусульманин, выбрив голову, выкрасив лицо и облачившись в наряд араба, Маклай добрался до коралловых рифов Красного моря. Его видели в Суакине, Ямбо, Джидде и других местах. Потом Маклай не раз вспоминал, каким опасностям он подвергался. Он болел, голодал, не раз встречался с разбойничьими шайками. Впервые в жизни Миклухо-Маклай увидел, как люди продают людей, продают просто и деловито, как рабочий скот. Он видел рынки невольников, процветавшие в Суакине и Джидде. И двадцатитрехлетний зоолог вдруг стал заниматься делом, казалось бы, столь далеким от его прямой специальности, — собиранием материалов о работорговле в Египте. Но для него это было лишь частью великой единой науки о человеке в самом широком смысле.

Маклай уже успел повидать мир. Он прошел пешком земли Марокко, побывал на островах Атлантики, бродил по Константинополю, пересек Испанию, жил в Италии, изучил Германию. Теперь он начинает грезить такими странами и народами, где до него никто из белых людей еще не бывал. Эти страны лежали в Тихом океане.

ЗАВЕТ КАРЛА БЭРА

В 1869 году знаменитому русскому академику Карлу Бэру доложили, что его хочет видеть Миклухо-Маклай. Перед старым ученым стоял молодой человек с отрастающей бородкой. Он был одет в тот самый знаменитый иенский сюртук «дыра на дыре», с починкой которого было так много возни и забот. Бэр прочел письмо Геккеля, переданное ему Маклаем, и стал ласково расспрашивать молодого зоолога о его работах.

Карлу Бэру было в то время семьдесят восемь лет, и его заслуги перед наукой были велики. Зоолог, анатом, географ, археолог, антрополог, в последние годы он увлекался изучением первобытных племен. Он собирал человеческие черепа, измерял их, взвешивал мозг и вычислял его объем. Маклай знал бэровские работы о народах Тихого океана, о папуасах и альфурах, знал и о взглядах старого ученого на проблему происхождения человеческого рода: престарелый Бэр был убежденным моногенистом и защитником равноправия рас.

Бэр обласкал юного ученого и поручил ему на первых порах заняться изучением коллекции морских губок, привезенных русскими экспедициями с севера Тихого океана. Эта работа увлекла Маклая. Ему удалось установить, что все виды губок Берингова и Охотского морей можно свести к одному и тому же виду, но применившемуся к местным условиям и соответственно изменившемуся. Идеи Дарвина, совместная работа с Дорном помогли Маклаю в этом важном открытии.

Тонкая рука Маклая невольно дрогнула, когда он рассматривал одну примечательную губку. Она считалась пресноводной, ибо была взята из вод Байкала. Но эта губка по своей природе была почти одинакова с морскими губками Тихого океана.

«...Остаток морской фауны, населявшей когда-то большое Азиатское море...» — так написал торжествующий Маклай о скромной губке с Байкала.

Книги о странах и обитателях Тихого океана начали появляться на письменном столе Миклухо-Маклая. Однажды ему в руки попал труд Отто Финша «Новая Гвинея», изданный в Бремене. В своей книге Финш собрал и изложил многие чужие наблюдения о жизни далекой и загадочной страны. К книге была приложена карта. Маклай долго рассматривал ее. Взор его задерживался на очертаниях северо-западного берега огромного острова.

Постепенно у Маклая сложилось убеждение о необходимости всестороннего исследования Тихого океана. Зоолог, антрополог, этнограф боролись в душе Маклая.

Крепкую стену пришлось пробивать Маклаю. Часами просиживал он в приемной вице-председателя Русского географического общества адмирала Федора Литке, нередко теряя надежду даже увидеть грозного и своенравного адмирала. Тот сначала и слышать не хотел о необычайных требованиях Маклая, подавшего в Совет общества записку о своем желании отправиться на Тихий океан. Но видный деятель общества, замечательный русский географ П. П. Семенов, ловко столкнул адмирала лицом к лицу с молодым путешественником. И всегда скромный, застенчивый Маклай вдруг оказался тонким дипломатом. Он очень искусно завел с Литке разговор о прошлых кругосветных и тихоокеанских походах адмирала, и седой, суровый морской орел Литке, проводя высохшей рукой по белым бакенбардам, растроганный воспоминаниями, сказал, что он будет хлопотать за Маклая.

Литке удалось добиться для Маклая разрешения проезда на борту одного из русских военных кораблей. Затем молодому путешественнику дали из средств Географического общества 1350 рублей. А нужно было не менее пяти тысяч. Где и как их достать? Нищета и долги тяготили Маклая, но приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. Мать Маклая, Екатерина Семеновна, поняла стремления сына. Она продала ценные бумаги, заложила кое-какие пожитки, и молодой ученый облегченно вздохнул.

Корвет русского военного флота «Витязь» вышел из Кронштадта в конце октября 1870 года. Николай Николаевич договорился с командиром «Витязя» о времени и месте встречи в одном из больших портов, а сам отправился в поездку по Европе. Он осматривал музеи, знакомился с учеными. Молодой зоолог испытал законную гордость, узнав, что его труды известны здесь его новым друзьям и знакомым. Незадолго до этого в «Мемуарах» Российской академии наук был напечатан его отчет об исследованиях губок Тихого океана, а в Лейпциге вышел труд Миклухо-Маклая по сравнительной анатомии — «Мозг позвоночных животных».

В Берлине Миклухо-Маклай встретился с известным этнографом Адольфом Бастианом, который показал гостю только что полученные копии знаменитых «говорящих таблиц» с острова Пасхи — загадочные письмена на досках из твердого красного дерева. В Амстердаме путешественник был принят нидерландским министром колоний, распорядившимся выдать Маклаю последние издания голландских карт

Тихого океана. В Плимуте английские военные моряки подарили русскому ученому дорогой прибор для измерения океанских глубин.

В Лондоне ему хотелось увидаться с Чарлзом Дарвином, но, к великому горю Маклая, эта встреча не состоялась. Зато он встретился с пламенным апостолом Дарвина — знаменитым биологом и путешественником Томасом Гексли, изучавшим когда-то Новую Гвинею. Гексли выдвигал предположение об общности происхождения индонезийцев и древних обитателей Европы. В порывистых пальцах Гексли держал копии «говорящих таблиц» с острова Пасхи, которые он показывал на заседании Этнографического общества, где присутствовал и Маклай. Маклай-зоолог постепенно превращался в этнографа и антрополога. Но он по-прежнему жадно изучал решительно все, что могло пригодиться ему в будущем.

Наконец Миклухо-Маклай ступил на палубу корвета «Витязь». В своей каюте он достал книгу Карла Бэра и перечитал запавшие в душу слова:

«...Таким образом, является желательным, и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи...»

Эти слова Маклай крепко запомнил. В Новой Гвинее жил первобытный человек. Там нужно было искать разгадку происхождения человеческого рода.

ЗДРАВСТВУЙ, ПОЛИНЕЗИЯ!

На «Витязе» Миклухо-Маклай приводил в порядок свои приобретения, сделанные в Европе. Спутниками его стали приборы для антропологических измерений, изобретенные лет десять тому назад Полем Брока. Но в тропической части Атлантики путешественнику пригодился и прибор, подаренный ему английскими моряками. Маклаю удалось сделать важное открытие, казалось бы, в столь далекой от его работ области — океанографии. Он терпеливо опускал в глубины океана термометр, пока не убедился в том, что и глубинные воды находятся в постоянном движении и имеют разную температуру. Это означало, что в океане существует обмен вод полярных и экваториальных. А ведь господствовавшая до этого в науке теория утверждала, что в океане нижние слои воды имеют неизменную температуру.

Третья по счету часть света, которую посетил Маклай, встретила его жарким солнцем и необъятностью неизведанных просторов. Шум Рио-де-Жанейро врвался в открытое окно корабельной каюты. Маклай сошел на берег и долго блуждал по улицам под жарким небом Южной Америки, стоял в порту, разглядывая покрытый островами светлый залив. Запасшись свежей водой и продуктами, «Витязь» отплыл в трудное плавание вокруг мыса Горн. У берегов Патагонии и в Магеллановом проливе Маклай также вел научные наблюдения. В Вальпараисо он не ограничился обычной для путешественников прогулкой по городу и приморскому рынку и обозрением поросших алоэ холмов. Он посетил Сант-Яго — столицу Чили, где в музее хранились подлинники знаменитых таблиц с острова Пасхи.

Наконец перед неутолимым путешественником открылась синяя Полинезия. С палубы корабля виден сказочный остров Пасхи, где высятся гигантские древние статуи, вытесанные из базальтовых глыб мастерами неизвестного народа. Здесь были открыты знаменитые «говорящие таблицы». Маклай знал, что на острове Пасхи обнаружены развалины загадочных дворцов, подземные дома. В могильниках находят черепа, по форме сходные с черепами обитателей Новой Гвинеи. На сказочном острове Маклай впервые сделался свидетелем откровенного разбоя плантаторов. Вербовщик рабочей силы для плантации одного таитянского богача только недавно сжег здесь хижины туземцев, вырубал пальмы, а самих островитян загнал в трюм корабля для отправки их на Таити.

Позже Маклай встретил туземцев с острова Пасхи на острове

Мангарева. Он не только видел их, но и подробно исследовал как антрополог. На острове Мангарева Маклай много думал о причинах, вызывающих разницу в окраске кожи у туземцев. Солнце — причина всему, решил он. Здесь же он сделал одно из своих первых важных антропологических открытий. Маклай обнаружил у нескольких туземцев, чистейших полинезийцев, так называемую «монгольскую складку» глазного века. Это давало ему право сделать вывод, что пресловутая складка может встретиться и не у монголов. Следовательно, она не может считаться признаком какой-то одной расы.

Молодой, но уже известный ученый Миклухо-Маклай постепенно становился антропологом. Он измеряет черепа жителей Тихого океана, исследует цвет их кожи, изучает «монгольскую складку». Что руководит им? Он не раз писал и говорил, что в своих исследованиях природы человека всегда старался подходить без всякой предвзятости к представителю любого племени или народа. Антропология — естественная история человека. Изучая ее, невозможно обойтись без изучения скелета человека, в частности его черепа. И Маклай измерял черепа полинезийцев. Но при этом он был далек от таких, например, мыслей, что череп негра по своему строению наиболее приближается к черепу обезьяны.

Иначе смотрели на дело многие антропологи и этнографы — современники Маклая и Брока. В те годы в науке шла подлинная война. Многие из ученых были в лагере рабовладельцев и плантаторов, доказывавших, что негр или австралиец не равны белому человеку. «Идеи» о таком неравенстве возникли давно — со времен средневековья, когда существовала «теория», что негры и другие «низшие» расы суть неудачные творения господина, который создал их до Адама. Во времена Маклая особым успехом пользовался в Германии четырехтомный труд французского графа Жозефа-Артюра Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». Последователи Гобино в своих «ученых» сочинениях делили народы мира на активные и пассивные. Они заявляли, что у представителей монгольской расы развит более затылок, чем лоб, и что «примесь монгольского элемента» приводит любую расу «к явному уменьшению емкости черепа, величины мозга, короче говоря, — к поглупению». Досужие лжеантропологи придумали сказку о том, что у некоторых племен волосы растут отдельными пучками. «Научный» термин было нетрудно придумать, и в литературе появилось понятие о «лофокомических волосах» у некоторых темнокожих племен.

Антропология того времени разделяла человеческие черепа по их форме на длинные и короткие. И часто эти термины использовались

полигенистами, противниками теории единства происхождения человеческого рода. Полигенисты считали долихоцефалов — «длинноголовых» — представителями «высшей расы», по сравнению с брахицефалами — «короткоголовыми». Они утверждали, что брахицефалия — неизменный признак «цветных» рас, которым присущи животные инстинкты, а у белой расы существует какой-то особый инстинкт, «возбуждающий и направляющий ее развитие».

Германия уже тогда выступала самой яркой защитницей всего этого ученого мракобесия, связанного с поисками неполноценных рас и народов. Уже тогда в Пруссии и Баварии поговаривали о превосходстве белокурой и длинноголовой германской расы. Еще в эпоху Маклая и Поля Брока немецкие ученые начинали поиски «арийской» прародины белокурых германцев, и король прусский не жалел денег на изучение истории Древней Индии, откуда, по мнению немецких антропологов, пришли в Европу германские завоеватели.

Для торжества длинноголового и белокурого человека необходимо было, чтобы люди с черной или желтой кожей еще чем-то отличались от «избранной» расы. Отсюда понятно повышенное внимание к различным физическим уродствам, присущим, конечно, не целым народам, а отдельным людям. Один немецкий «охотник за феноменами» морочил Европу, уверяя, что он нашел живое «недостающее, звено», связывающее обезьяну с человеком, в лице знаменитой «девочки Крао». Купив в Бирме волосатого уродца, он привез несчастную девочку в Европу, где стал ее показывать, как редкого зверя, за деньги. В газетах появились сообщения о «диком волосатом народе» в джунглях Бирмы, о «хвостатых людях» на Борнео, о «безволосом племени» в пустынях Австралии. Но вскоре обман был раскрыт. Знаменитый медик и антрополог Рудольф Вирхов установил, что «девочка Крао» лишь пример редкого уродства и никаких волосатых племен на свете не существует.

Охота за уродами увлекала не только многих лжеученых, но и просто рыцарей наживы. Как зазывалы под холщовой кровлей балагана на Лейпцигской ярмарке, они стремились привлечь внимание праздной толпы к своим пленникам. Знаменитые сиамские близнецы Энг и Ханг, микроцефалы-ацтеки Махимо и Бартоло, девушки-близнецы из племени замбо, карлики и великаны, зобатые люди — вот кого показывали праздным зевакам за деньги ловкие предприниматели. Начиная с 1875 года это дело было поставлено на широкую ногу. Пресловутый Карл Гагенбек, владелец известного зоологического сада в Гамбурге, стал приобретать «дикарей» целыми партиями, делая на них заказы путешественникам и

владельцам гамбургских кораблей, посещавшим воды дальних стран. Предприятие Гагенбека должно было поражать своим размахом его современников, и прежде всего завсегдаев гамбургского зоологического сада: здесь были патагонцы и огнеземельцы, австралийцы и зулусы, северные лопари и самоеды, калмыки и нубийцы, индейцы и папуасы. Гагенбек возил своих пленников по Европе наравне с передвижными зверинцами, показывал их толпе и любезно разрешал лжеантропологам измерять черепа «дикарей».

Русская наука того времени, по-настоящему чистая и передовая, не могла оставаться равнодушной к борьбе, охватившей весь мир. Она противопоставляла свои выводы и наблюдения злобным откровениям ненавистников «цветных» народов. Еще в 1863 году великий русский физиолог Сеченов писал в своей книге «Рефлексы головного мозга»:

«Умного негра, лапландца, башкира европейское воспитание в европейском обществе делает человеком, чрезвычайно мало отличающимся со стороны психического содержания от образованного европейца...»

Представителем всего передового в русской антропологической науке был Миклухо-Маклай.

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль, исследуя берега Новой Гвинеи, открыл и занес на карту залив Астролябии. Съёмку он делал с борта своего корабля; другие мореплаватели тоже не высаживались никогда на этот берег. Первым белым обитателем бухты Астролябия был русский ученый Николай Миклухо-Маклай.

7 сентября 1871 года корвет «Витязь» лег в дрейф посредине лазурной бухты. Путешественник увидел наяву берег, не раз виденный лишь в мечтах. Маклай первым спустился в шлюпку, за ним следовали его слуги — долговязый швед-китобой Ульсен и молодой полинезиец Бой.

Первый день был целиком потрачен на знакомство с папуасами. Маклай бесстрашно углубился в дикий лес и по узенькой тропинке пришел в деревню. Она была пуста. Но возле деревни в густых кустах Маклай встретил первого папуаса, своего будущего друга Туя, онемевшего от ужаса. Белый гость взял Туя за руку и, легонько подталкивая его, привел в деревню. Вскоре вокруг Маклая столпилось восемь папуасских воинов с черепаховыми серьгами в ушах, с каменными топорами в смуглых руках, увешанных плетеными браслетами. Русский гость щедро одарил папуасов разными безделушками. К вечеру он вернулся на корабль, и офицеры «Витязя» с облегчением вздохнули: пока что «дикари» не съели Николая Николаевича.

На следующий раз, когда Маклай вновь съехал на берег, почтенный Туй уже без особой боязни вышел навстречу к гостю. Так просто произошло первое сближение Маклая со страшными «людоедами». На берегу ручья, близ самого моря, уже кипела работа. Стучали топоры; матросы и корабельные плотники закладывали первый русский дом на Новой Гвинее — дом Маклая.

Ученые-офицеры с «Витязя» делали топографическую съёмку местности. Бухта с коралловыми берегами — часть обширного залива Астролябия — была названа порт Константин, мысы — именами топографов, делавших съёмку, а отражавшийся в голубой воде ближайший остров получил гордое имя Витязь.

Новый приятель Маклая, пожилой, степенный папуас Туй, стал знаками жалобно предостерегать Маклая, что вот, мол, корабль уйдет и папуасы умертвят белого человека, который хочет поселиться в новой хижине у ручья. Маклай сделал вид, что не понял Туя. Наступило

торжественное и вместе с тем грустное прощание. 27 сентября 1871 года над кровлей одинокой хижины взвился русский флаг. Под его сенью Маклай остался на берегу Новой Гвинеи.

Сокровенная жизнь новой страны долго еще была неясна для Маклая: она была прикрыта, как здешние причудливые горы, вечной завесой облаков. Но понемногу эта завеса приподнималась, и Маклай увидел суровое лицо дикой и прекрасной страны. Маклаю помогло знакомство со старым Туем. Они виделись каждый день. Туй уже щеголял в продранной шляпе китобоя Ульсена. Часто Туй приводил с собой толпу папуасов, и они дарили Маклаю живых поросят и кокосовые орехи.

Маклай долго решал, брать ли с собой револьвер, когда впервые шел в деревню Горенду. В конце концов он оставил оружие в хижине, взяв лишь подарки и записную книжку. Папуасы не очень приветливо встретили белого человека. Они пускали стрелы над ухом Маклая, размахивали копьями перед его лицом. Маклай сел на землю, спокойно развязал шнурки башмаков и... улегся спать. Трудно сказать, что у него было на душе. Но он заставил себя заснуть. Когда, проснувшись, Маклай поднял голову, он с торжеством увидел, что папуасы мирно сидели вокруг него. Луки и копья были спрятаны. Папуасы с удивлением наблюдали, как белый неторопливо затягивает шнурки своих ботинок. Он ушел домой, сделав вид, что ничего не случилось, да и случиться ничего не могло.

Так Маклай «заговаривал» себя от копья, стрелы и ножа из казуаровой кости. Он учился презирать смерть. Папуасы решили, что раз белый человек не боится гибели, то он бессмертен. Туй же настолько привык к Маклаю, что почти безотлучно восседал у входа в белую хижину. Жители окрестных деревень уже называли Маклая по имени. Жизнь на Новой Гвинее шла размеренно. Ученый-отшельник, как правило, вставал на рассвете, умывался водой ясного родника, потом пил чай. Рабочий день начинался наблюдениями за приливной волной океана, измерением температуры воды и воздуха, записями в дневнике. Около полудня Маклай шел завтракать, а потом отправлялся на берег моря или в лес для сбора коллекций.

Затем приходил Туй — преподаватель папуасского языка и топографии. В записной книжке Маклая рос список папуасских слов. Шурша браслетами, Туй не раз поправлял маклаевские наброски к топографической карте. Старый папуас делал это с такой уверенностью, как будто он по меньшей мере половину жизни провел в чертежной Британского адмиралтейства. Но, по существу, ничего удивительного в этом не было. Туземцы Каролинских островов испокон веков умели

составлять морские карты, выкладывая их очертания на песке при помощи раковин и отрезков тростника.

Дружба с папуасами крепла. Все чаще Маклай слышал слова «Тамо-рус»; так называли его между собой папуасы. «Тамо-рус» означало — «русский человек».

Тяжело жилось Маклаю в его хижине. Швед Ульсен совершенно вышел из повиновения. Трус и лентяй по природе, он ничего не хотел делать, вечно ныл и боялся всех без различия папуасов. Даже в Туе долговязый швед видел будущего убийцу, лишь на время скрывающегося под личиной друга. Полинезиец Бой часто болел и в конце концов умер. Все заботы по дому ложились на Маклая.

Маклай свято чтит и уважал обычаи своих соседей. Число друзей быстро росло. Туй познакомил Маклая со своим сыном Бонемом. Потом с Маклаем подружился поселянин из деревни Бонгу, по имени Бугай. Это он пустил по всему побережью слух, что Маклай не только «Тамо-рус», но и «Караан-тамо» — «человек с луны». Маклай принимал в своей хижине туземцев с острова Витязь (Били-Били) и с небольшого островка Ямбомба. Колле из Бонгу, Дигу, мальчик Сирой — немало было приятелей у бородатого «лунного человека».

Многие из новых друзей не раз приглашали Маклая к себе и устраивали в честь него пиры. Только тогда белобрысый Ульсен бросал свое вечное нытье. Он, ухмыляясь, принимал подношения папуасов — рыбу, сладкий картофель, свинину и неизбежные кокосовые орехи.

Как-то заболел Туй. Об этом сообщили Маклаю. «Тамо-рус» стал врачевать своего друга. Исцеленный Туй устроил пир в честь русского чародея и лекаря и даже пожелал обменяться с ним именами. То же произошло однажды и на острове Витязь, где состоялось знакомство с влиятельным туземцем Каином. Многие из островитян хотели дать имя Маклая своим детям, но «Тамо-рус» не дал на это согласия. А женщины из Горенду, окружив гостя, потребовали, чтобы он обязательно дал имя новорожденной. Маклай подумал, подумал и назвал папуасскую девочку Марией.

Получив доступ в деревни, Маклай исподволь очень осторожно начал собирать коллекцию папуасских черепов. Черепа своих родственников папуасы выбрасывали обычно в кусты возле хижин, зато нижняя челюсть свято сберегалась подвешенной к потолку хижины. Маклай сбился с ног, отыскивая целый череп, но так и не находил его.

Больше года прожил Маклай в хижине на берегу океана. Больной, часто голодный, он успел сделать многое. Он посадил в землю Новой

Гвинеи семена полезных растений и вывел тыквы с Таити, бобы, кукурузы. Около его хижины прижились плодовые деревья. Многие папуасы, заразившись примером Маклая, сами приходили на его огород за семенами. Так, Туй и Безу в одно прекрасное время прилежно принялись за разведение огромных тыкв.

Насмотревшись на Ульсена, ревностно скоблившего свой упрямый подбородок дешевой матросской бритвой, Туй однажды подобрал осколки бутылочного стекла, валявшиеся около маклаевской кухни, и с помощью этих осколков сбрил себе бороду. Тую стали подражать его черные приятели.

Маклаю приходилось ходить с ножницами в сумке и исполнять обязанности цирюльника. Он собирал коллекцию образцов волос папуасов и, чтобы не обидеть их, отрезал пряди своих густых волнистых волос и выменивал их на пучки черных волос папуасов. Благодаря этой мене они охотно давали Маклаю не только выстригать волосы, но и заодно делать антропометрические измерения. Маклай установил, что волосы папуасов ничем не отличаются от волос европейцев. Такие термины лжеантропологов, как «прерывистая рассадка», «лофокомические волосы», теперь можно было сдать в архив как ненаучные понятия.

Уже первые измерения черепов папуасов убедили Маклая в том, что среди обитателей этой части Новой Гвинеи есть и «длинноголовые» и «короткоголовые» люди. А ведь лжеантропологи учили, что форма черепа той или иной расы всегда неизменна. У некоторых папуасов ученый снова нашел «монгольскую складку». Нечего и говорить, что на берегах бухты Астролябия китайцев, как и на Мангареве, не бывало никогда. Следовательно, и этот якобы неизменный «расовый признак» нужно было теперь вычеркнуть из учебников антропологии.

Маклай составил словарик наречия папуасов и открыл в районе горной деревни Теньгум-Мана знаки, вырезанные на деревьях. Маклай решил, что и среди папуасов есть люди, которые уже живут первой мечтой о письменности. «Тамо-рус» накопил бесценные наблюдения об искусстве и промыслах папуасов. В тишине своей хижины он набрасывал начало статьи о папуасах — художниках и творцах. Статью эту Маклай решил послать Полю Брока в Париж. В белом доме на берегу океана друг Туя написал также «Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее». Это был подарок седому Карлу Бэру.

«Моим стремлением было, следуя совету К.-Э. Бэра, наблюдать людей по возможности без предвзятого мнения...» — писал Миклухо-Маклай. Его совесть была спокойна: он не лгал перед собой.

Из гостя Маклай превратился в близкого друга папуасов. Он вылечил Туя, спас от смерти папуаса Саула, был свидетелем рождения и похорон папуасов, сидел почетным гостем на званых пирах. Он вникал в безутешное горе женщины Кололь, оплакивающей сдохшую свинью, которую она когда-то кормила своей грудью, как это было здесь зачастую принято.

«Я готов остаться на несколько лет на этом берегу», — писал он в своем дневнике.

Берег Маклая! Это была целая страна. Вокруг залива Астролябия, в окрестных горах жило не менее трех-четырёх тысяч папуасов. Маклай по праву первооткрывателя жадно изучал страну. Он уже знал хорошо дороги в деревни Бонгу, Мале, Богатим, Горима, Гумбу, Рай, Карагум. Он поднимался в горы, закрытые облаками, плывал по лазурным заливам, открыл неизвестную реку, на которую ему указал верный Туй. «Тамо-рус» вместе с Каином плывал на остров Тиар и нанес на карту архипелаг Довольных Людей и обширный пролив. Научные коллекции его росли день ото дня. Он открыл новый вид сахарного банана, ценные плодовые и масличные растения. Тетради его были полны записей, заметок и чудесных маклаевских рисунков, среди которых мы находим много портретов его темнокожих друзей. Хижина на мысе Гарагасси была целым научным институтом, который вел один человек. Болезни, голодовки, змеи, ползающие по письменному столу, подземные толчки, сотрясающие хижину, наглость Ульсена — ничто не могло помешать Маклаю в его великом труде.

Он полюбил страну и ее жителей. В декабре 1872 года за Маклаем прибыл корабль «Изумруд». Моряки отдали русскому путешественнику воинские почести, встретив его могучим троекратным «ура» после команды «по реям». Офицеры и матросы были изумлены, когда бородатый отшельник заявил им, что он еще подумает, ехать ли ему сейчас в Россию.

Наступили дни великой скорби на Берегу Маклая. Папуасы умоляли не покидать их. Маклай сказал своим друзьям, что он рано или поздно, но вернется сюда. Последнюю ночь «Тамо-рус» провел в кругу островитян.

Когда Маклай, простившись с народом, который стал ему родным, смотрел в бинокль на зеленые берега острова, он услышал грохот барумов — длинных папуасских барабанов. Они гремели по всему Берегу Маклая.

НОВЫЕ СТРАНСТВИЯ

Маклай с нетерпением ждал времени, когда «Изумруд» бросит якорь в гавани Манилы на Филиппинах. Как нарочно, корабль подолгу задерживался в пути. Но зато Маклай получил возможность видеть города и население Молуккских островов. Он побывал в Тидоре — столице одного из султанств на одноименном острове. Здешние султаны распространяли свое влияние на западное побережье Новой Гвинеи и острова Папуасии. Тидорцы не только вели торговлю с новогвинейцами — они превращали папуасов в невольников. Султаны обычно снаряжали тайные экспедиции для ловли рабов, так называемые «хонтии». Нахмутив брови, Маклай слушал рассказы о разбоях охотников за людьми. Не так давно жирный тонкоголосый Амир, принц тидорский, обратил в рабство и увез на своих судах сто папуасов с берега Папуа-Ковиай.

В порту Тернате, у подножия вулкана, путешественник видел плантации, на которых работали черные рабы, похищенные малайскими моряками. В лавках китайских и арабских купцов продавали перья райских птиц, драгоценную кору тропических деревьев, жемчуг. Все это было добыто руками рабов. В Макассаре, на острове Целебес, Маклаю показали худого косматого австралийца, пойманного где-то на своей родине Целебесскими купцами. Таким образом друг папуасов узнал, что молуккские работоторговцы совершают свое черное дело даже на Австралийском материке. Маклай наблюдал местные типы. Здесь, на скрещении дорог из Азии в Австралию и Океанию, он имел возможность видеть представителей многих племен. Он вспоминал статью Бэра «О папуасах и альфурах». Альфуры жили в глубине Целебеса. Их считали родственными папуасам. Об этих людях говорили, что они проводят ночи на деревьях, ходят нагими, украшают хижины черепами убитых врагов.

Наконец показался скалистый остров Коррехидор, почти преградивший вход на рейд большого залива. Шумная Манила, столица Филиппин, раскинулась по берегам бухты: рвы, крепостные стены, бастионы, форты, собор XVI века, выгнутый каменной дугой старинный Испанский мост, прядильни, огромные табачные фабрики, торговые склады... Разноязычная толпа шумела на улицах города, на берегах его каналов. Здесь можно было встретить представителей пятидесяти народностей, населяющих острова.

Маклая прельщали рассказами о всяких чудесах Филиппин: о

знаменитом кратерном озере близ Манилы, о петушиных боях, о редкостях здешнего музея. Но путешественник отверг все соблазны. 22 марта 1873 года он исчезает из-под надзора лекаря «Изумруда» и, едва передвигая больные ноги, бродит в порту в поисках знающего проводника. Вместе с ним Маклай плывет в лодке рыбака через обширный Манильский залив. Прямо по носу виден вулкан Маривелес. После ночлега в деревне Лимай он идет в Лимайские горы и в лесу встречает тех, кого он так давно хотел видеть.

На краю лесной поляны стояли наклоненные пальмовые щиты. Под этими легкими переносными кровлями укрывались от зноя или непогоды бродячие чернокожие негритосы, тайна происхождения которых еще не была решена учеными. Маклай казался великаном по сравнению с этими людьми: их рост не превышал 1 метра 44 сантиметра. Недаром их и называли «негритосами», по-испански — «маленькие негры». Некоторые антропологи относили их к «расе пигмеев», но ни один ученый не знал в точности, к какой группе народов они принадлежат.

Больше двух дней провел Маклай среди бродячего народа. Негритосы дали гостю пальмовый щит, и он укрывался на ночь этим зыбким навесом. Лаской и уговорами Маклай добился того, что негритосы позволили сделать измерения их голов. — И — о радость! — в сумке Маклая лежал дорогой трофей — череп негритоса. Череп имел отличную сохранность. Туземцы разрешили выкопать его из могилы в горах близ деревни Пилар.

Маклая растрогала судьба забитых черных людей. Оттесненные малайцами в глубь лесов и гор, они скитались по джунглям, лишённые пищи и пристанища. Но эти маленькие люди заботились о детях, стариках, больных. У них существовал замечательный обычай: каждый негритос, добывший себе охотой скудную пищу, перед тем как съесть ее, был обязан громко и несколько раз прокричать приглашение разделить с ним еду.

Здесь, на Филиппинах, Маклай совершил новое крупное открытие: негритосы вовсе не негры! Несомненно, они принадлежат к племени папуасского происхождения. Пусть антропометрические измерения показывают, что негритосы на самом деле короткоголовые, но ведь и среди папуасов Новой Гвинеи есть и длинноголовые и короткоголовые типы. Теперь Маклай уже твердо знает, что отличия формы черепа никак не могут противоречить родству племен. Обычай, язык и другие признаки, бесспорно, указывали на родство негритосов с папуасами.

Маклай покинул русский корабль в Гонконге, пересел на торговое судно и через Сингапур прибыл на Яву, в город лихорадок — Батавию. Первая слава ожидала его в яванской столице. О нем узнали колониальные

газеты. Господин Джемс Лаудон, генерал-губернатор Нидерландской Индии, пригласил русского ученого в свою резиденцию близ прекрасного горного города Бейтензорга.

Радужный Лаудон сделал все для того, чтобы Маклай мог отдыхать и работать на холме Бейтензорга. Дворец яванского наместника был расположен в центре знаменитого Ботанического сада. Семь месяцев провел отшельник Новой Гвинеи среди благоухающих зарослей огромных орхидей, под сенью редчайших пальм, на берегу светлого пруда, где цвела Виктория регия.

О Маклае стали писать русские газеты. В богатой батавской библиотеке он мог видеть номера петербургского «Голоса», «Кронштадтского вестника», «Санкт-Петербургских ведомостей», со статьями о нем. Но Маклай не любил славы. Все свое время он посвящал научным занятиям. Написав несколько статей о своем первом пребывании на Берегу Маклая, отважный путешественник стал готовиться к новому походу. Он хотел проникнуть на берег Папуа-Ковиай, на западе Новой Гвинеи. Европейцы боялись посещать эти места. Малайцы в один голос уверяли, что жители побережья Папуа-Ковиай — самые страшные людоеды и разбойники. Но Маклай не побоялся этих рассказов, и в декабре 1873 года покинул Бейтензорг.

Заросли вечнозеленых гвоздичных деревьев окружали город Амбоина, расположенный на одноименном острове. Столица «гвоздичного царства» славилась на весь мир как место добычи дорогих пряностей. Маклай-этнограф с увлечением наблюдал здесь местных жителей. Они представляли собой смесь малайцев с альфурами, арабами, китайцами и голландцами. На большой морской лодке «урумбае», с экипажем в шестнадцать человек, Маклай отплыл с Молуккских островов и вскоре достиг страшного берега Папуа-Ковиай. Здесь он открыл проливы Елены и Софии, исследовал местность и внес значительные исправления в старые карты побережья. Маклаю удалось выбрать замечательно красивое и удобное место для постройки временной хижины: мыс Айва высился между проливами Софии и Елены. Новая страна манила к себе путешественника. Он бесстрашно двинулся в глубь Новой Гвинеи, поднялся на высокий горный хребет и увидел внизу, под собой, светлую поверхность озера Камака-Валлар. В водах озера Маклай открыл новый вид губок, собрал коллекцию любопытных раковин. Близ островов Каю-Мера и Драмай был открыт мыс, который получил имя Лаудона. На островке Лакахия Маклай нашел выходы каменного угля. В заливе Телок-Кируру путешественник едва не подвергся нападению враждебно

настроенных туземцев. Это удивило Маклая. Но в Айве путешественника ждало еще большее несчастье. Он не узнал ни своей хижины, ни своего рабочего кабинета. Жилище было разграблено, в нем царил разгром; стол, на котором Маклай писал заметки, был залит кровью. Все пожитки Маклая, даже ланцеты и антропометрические инструменты, были унесены неизвестными грабителями. Лужи крови и разлитого красного вина стояли на полу.

Что тут произошло? Двести папуасов из гор близ бухты Кируру, украсив себя перьями райской птицы, вымазавшись с ног до головы черной краской, появились близ хижины. Пятеро спутников Маклая, карауливших жилище, напуганные страшным видом черных дикарей, не могли оказать никакого сопротивления. Возле хижины в это время находились береговые папуасы. На них сначала и напали пришельцы. Папуасы хотели скрыться в хижине, но их там и умертвили. Убит был также и преданный Маклаю старик, начальник папуасов острова Айдума, вместе с женой и дочерью. Тело девочки дикари изрубили в куски на столе Маклая...

Из Айвы пришлось перебраться на остров Айдума. Друзья-папуасы скоро сообщили, что второй отряд горных жителей, человек в триста, снова пришел в Айву, чтобы убить Маклая. Узнав, что белый человек живет уже в другом месте, разбойники стали подготавливать новый набег.

Происшествие это не испугало «Тамо-руса». Он знал, что все эти кровавые затеи — дело рук начальника нескольких папуасских сел, «майора острова Мавары», по имени Саси. Этот угрюмый великан в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, был отъявленным бандитом и охотником за рабами. Собрав шайку разбойников, он появился возле Айдумы. Бесстрашный Маклай, узнав об этом, утром спокойно напился кофе, взял с собой двух верных людей и пошел к пироге негодяя. Саси казалось, что он видит страшный сон. К его лодке идет бородатый белый человек, грозный, не боящийся ничего. В руках у него револьвер и крепкая веревка. Саси так растерялся, что забрался в каюту своей лодки. Маклай приказал ему выйти. Великан молчал. Тогда Маклай сорвал тростниковую кровлю каюты, нагнулся к Саси, схватил его за горло одной рукой, а другой приставил револьвер к его виску. Верный папуас Майберит связал «майора». Маклай сам увез своего пленника и сдал его голландским властям, как торговца рабами, подстрекателя и убийцу. Песня Саси была спета.

На Айдуме Маклаю удалось открыть один вид кенгуру, весь образ жизни которого говорил о том, что он приспособился к местным условиям. У животного были крепкие когти. Кенгуру не скакал, как его австралийские

собратья, а лазил по деревьям, где и проводил большую часть своего времени.

Антропологические измерения, произведенные на берегу Папуа-Еовнай, показали, что среди здешних папуасов, в основной массе длинноголовых, встречаются и короткоголовые, брахицефалы. Так подтвердились наблюдения, начатые еще на северо-восточном берегу Новой Гвинеи и продолженные на Филиппинах. Теория обязательной «длинноголовости» папуасов снова оказалась несостоятельной. Из работ Маклая снова было видно, что в составе одного и того же племени могут встречаться люди с разной формой черепа.

В июне 1874 года смелый исследователь опасно заболел. Недуг приковал его к койке госпиталя в Амбоине. Рожистое воспаление лица и головы, невралгия, перемежающаяся лихорадка измучили этого маленького худого человека. В госпитале его навестил однажды командир британского военного судна «Василиск» Джон Моресби: слава удивительного русского уже гремела по всему Тихому океану. Капитан подарил больному карту пути, пройденного «Василиском» вдоль северо-восточного края Новой Гвинеи. На ней значился Берег Маклая.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ ЛЕСА

Слова «оран-утан» по-малайски означают: «человек леса». Так туземцы называют таинственные племена, обитающие внутри Малаккского полуострова. Никто из ученых никогда не видел живого орана Малакки. Лишь по слухам было известно, что они, подобно негритосам, черны, малы ростом, дики, нелюдимы, и европеец должен бояться их отравленных стрел. Маклай занял у кого-то сто пятьдесят фунтов стерлингов, простился с Лаудоном, у которого отдыхал после болезни, и отправился искать диких оранов.

В Сингапуре — Львином городе, откуда были видны горы Суматры, Маклаю удалось добыть письмо к махарадже Джохорскому, властелину части малаккских стран. Махараджа жил на противоположном берегу узкого и болотистого пролива, в своей столице, более похожей на большую деревню, застроенной складами для хранения слоновой кости, перца, малаккской камфоры и каучука. На счастье Маклая, махараджа Джохорский оказался пытливым человеком, стоявшим на голову выше других малаккских князьков. Он признался, что в его стране нет человека, который мог бы сказать, что он прошел всю страну от края до края, и что во дворце нет даже карты его владений. Русскому ученому владыка Джохора выдал открытый лист — приказание всем старшинам Джохора давать Маклаю проводников и носильщиков. Не теряя ни дня, Маклай отправился в путь.

Скоро с канонерки махараджи Маклаю пришлось пересесть на простую утлую лодку. Потом пошли пешком через леса, где ревели тигры. Стоял декабрь — время дождей и разлива рек. Первых оран-утанов Маклай встретил в лесах, на верховьях речки Палон.

«Мне кажется, что я прочел начало интересной, старой, с наполовину стертыми строками, книги и теперь с нетерпением жду продолжения», — писал он в своем дневнике.

В оран-утанах Джохора Маклай видел остатки первобытных меланезийских племен, когда-то населявших всю Малакку. В них была видна сильная примесь малайской крови. Они были очень малорослы, темны кожей, но хорошо сложены и, как заметил Маклай, не по росту сильны. Три оран-утана сопровождали Маклая в пути. С ним был еще и папуасский мальчик Ахмат, воспитанник Маклая. Пятьдесят дней пробыли путники в дебрях Джохора. Караван Маклая вспугивал стада диких вепрей. Устья рек кишели крокодилами. Приходилось идти по пояс в воде или

плыть на лодке по затопленным лесам, между огромными пнями, поваленными стволами деревьев и крепкими лианами. Часто попадались свежие следы тигра. Огромные змеи нередко пересекали дорогу Маклая. Он писал свои заметки при свете смолистых факелов, питался дикими лимонами, спал в жилищах оран-утанов. Ему удалось открыть горячие ключи, осмотреть старые оловянные копи на реке Нидао, собрать образцы таинственных ядов из растительных соков и зубов змей, которыми ораны отравляли свои стрелы. Русла рек Сомброн и Индао привели Маклая к берегу моря. От устья Индао он повернул на юг и достиг знакомого пролива между Малаккой и Сингапуром. В феврале 1875 года он вновь сидел во дворце махараджи Джохорского. Маклая трясла лихорадка, он с трудом пересиливал слабость, но говорил о новом походе в глубь Малакки. Махараджа качал головой, слушая русского. Шутка ли сказать — он хочет пройти сушей прямо в Сиам!^[1]

Могущественный губернатор британской «Колонии Проливов и Сингапура» сэра Эндрью Кларк любезно принял северного гостя. Он потащил Маклая с собою в Бангкок — отдохнуть на корабле «Плутон», поглядеть на диковинную сиамскую столицу. Король сиамский, двадцатидвухлетний Параминдр Мага Чулалоконгорн, в то время владел доброй половиной Малаккского полуострова; ему подчинялись бесчисленные раджи, султаны, князьки Малакки. Пользуясь расположением и поддержкой сэра Эндрью Кларка, Маклай стал смело стучаться в золоченые двери королевского чертога.

Как во сне, русский путешественник разглядывал город, похожий на ларец из слоновой кости, пагоду Ват-Ченг, загоны для королевских слонов, храм Ксетуфона, где показывали след от ноги Будды, плавучий город на реке Менам, рынки, где высятся стены из мешков с кардамоном и другими пряностями.

Король сиамский выдал грамоту «русскому князю». С этим документом Маклай появился снова у махараджи Джохорского. Тот сначала убеждал путешественника отменить новый поход в страну «лесных людей», но, видя упорство Маклая, махнул рукой и дал ему письмо к владетелю соседнего княжества Паханга. Достигнув столицы Паханга, приморского города Пекана, Маклай двинулся прямо к тропическим лесам княжества Келантан, где до Маклая не бывал еще ни один белый человек. Плот и лодка, скрипучая повозка, а чаще всего собственные ноги несли Маклая к цели его странствий. Он проходил пешком до сорока километров в день, брел по грудь в воде, изредка оступаясь и падая в обрывы. К северу от порожистого русла реки Паханг, где золотые зерна таились в речном

песке, он увидел цепи высочайших гор Малакки с вершиной Гуну-Тахан. Проводники с боязнью показывали на ее лесистые склоны: они были обителью огромных человекообразных обезьян «бру», перед которыми туземцы испытывали суеверный ужас.

В горных ущельях между странами Тренгану, Келантан и Паханг Маклай сделал замечательное открытие. Здесь неутомимый исследователь, отыскивающий родственные народы, разбросанные по островам Тихого океана, нашел, как жемчужину разорванного ожерелья, меланезийские племена Малакки. Это-то и были «люди леса», о которых рассказывали сказки, — племена оран-семангов и оран-сакаев.

Пугливые, низкорослые, чернокожие люди проводили ночи на деревьях. Они были бедны, как птицы или звери. Все их имущество состояло из тряпья на бедрах и ножа. Они скитались в диких лесах, давали своим детям имена в честь деревьев, добывали камфору, которую выменивали у малайцев на ножи и ткани. И они ничем не походили на малайцев, ростом напоминали негритосов Филиппин, а обликом — папуасов Новой Гвинеи.

Таблицы Брока помогли Маклаю установить цвет кожи «людей леса». Он сделал измерение формы голов и пришел к выводу, что оран-сакаи и оран-семанги склонны к короткоголовости, так же как и филиппинские негритосы. Так ему удалось дочитать до конца старую книгу жизни малаккских племен. Теперь Маклай знал, что в самой глубине полуострова обитают не менее пяти чистых меланезийских племен, не смешанных с малайцами. Они были остатками древнейшего населения страны. Маклай сделал достоянием науки места обитания меланезийцев Малакки, изучил их облик, образ их жизни, верования и язык.

Сто семьдесят шесть дней пробыл путешественник на Малакке. От «людей леса» он ушел — через владения семи малайских князей — в богатый город Патани, побывал в стране Кедах, подвластной Сиаму, и закончил путешествие в городе Малакке.

ЧЕРНЫЕ ОДИССЕИ

Подходил к концу 1875 год. Николай Николаевич пользовался последним гостеприимством Джемса Лаудона в Бейтензорге и заканчивал заметки о странствиях среди «людей леса». Простодушный и скромный, он не знал, как росла его слава. Знакомства с ним искали самые известные исследователи. В Сингапуре русского ученого разыскивал Мариа д'Альбертис, бывший гарибальдиец и путешественник по Океании. Одоардо Беккари, знаток Борнео, не раз искал встречи с Маклаем на Яве. Один из лучших исследователей тропической флоры, австралийский ботаник Фердинанд Мюллер, вызвался дать примечания к статье Маклая о растениях Новой Гвинеи. Сингапурская «Дэйли таймс» писала о походе Маклая в страну оранов. Появись в ту пору Маклай на улицах Петербурга или Москвы — его сразу бы узнали в лицо; журнал «Пчела» поместил портрет отважного путешественника, гравированный по особому заказу в Париже. Изображениями Маклая были украшены страницы «Нивы», «Живописного обозрения», «Иллюстрированной недели», «Всемирной иллюстрации» и других русских изданий. Русские картографы уже нанесли на карту Новой Гвинеи гору Миклухо-Маклая, близ залива Астролябии. Это был как бы прижизненный памятник — редкая честь для ученых. Но никто не знал, что столь знаменитый человек скитается уже много лет без крова, семьи, делает долги, чтобы с помощью занятых денег совершать свои опасные и далекие походы.

На досуге Маклай читал сочинения одного из самых любимых своих писателей — И. С. Тургенева. На письменном столе путешественника стоял портрет Тургенева, подаренный им Маклаю когда-то в Веймаре. А книги Тургенева «Тамо-рус» выписывал себе даже на Яву. Он старался не порывать связей с русскими людьми: делился с писателем своими планами, посылал ему оттиски своих статей.

Маклай часто не имел средств даже для того, чтобы заплатить за переписку своих статей. Он с ужасом видел, что все его труды могут погибнуть, не увидев печатного станка. Вечное скитание и болезни мешали засесть за большие книги. Приходилось ограничиваться предварительными сообщениями в батавийском научном журнале, письмами в Русское географическое общество.

Стены дворца в Бейтензорге становятся тесными. Маклай вспоминает слово, данное папуасам: ведь они ждут «Тамо-руса», глядя в просторы

океана. Маклай благодарит Джемса Лаудона за любезный прием и гостеприимство. Длинный тонкий палец русского путешественника скользит по морской карте Микронезии, по очертаниям Каролинских островов. Карты пестрят русскими названиями коралловых земель: остров Суворов, Беринг, Румянцев, Чичагов, Сенявин, Римский-Корсаков, Хромченко. Русские мореплаватели когда-то открывали их.

На легкой шхуне «Морская птица» Маклай отплыл из яванского порта Черибон. Путь его лежал к Целебесу, а оттуда — к разноцветным рифам Западных Каролин. В мае 1876 года он уже был на острове Вуап (Яп). Про Яп Маклай читал немало забавного: легковверные мореплаватели восемнадцатого столетия рассказывали о вуапском крокодиле «га-ут», плачущем, как ребенок, о ящерицах, живущих на деревьях... На северной стороне Вуапа стояла деревня Киливит. Ее гостем и сделался Маклай.

Кроме мыслей о науке, Маклая волновали мысли о тяжелой жизни бесправных племен Океании. Он собирал сведения о разбоях белых купцов и работорговцев. Подолгу он беседовал с торговым приказчиком (тредором) Томом Шоу. Том Шоу около тридцати лет прожил в Океании и был живой историей Микронезии. Женой его была туземка, с островов Гилберта, а сын, метис, ловкий малый, умел неплохо стрелять из пушки. У семейства Шоу было собственное орудие, укрепленное на палубе пироги. Шоу-сын принимал участие в междоусобных войнах островитян.

Местное население промышляло добычей трепанга — морского животного, высоко ценимого в китайской кухне. Сильные и ловкие туземцы как рыбы ныряли в зеленую глубину между скал. Но ловцы трепанга, «нанятые» европейскими шкиперами, в полном смысле слова вымирали. Был случай, когда из шестидесяти семи туземцев с промыслов вернулись живыми только семь. Гамбургские приказчики не привыкли стесняться. Когда усталый черный водолаз отказывался идти в воду, белые хозяева пускали пули над головой ловца. «Во время путешествия, — писал Маклай, — мне много раз приходилось видеть бесчестную эксплуатацию, которой подвергаются туземцы со стороны белых, и я намерен представить при первой возможности краткое изложение тех доходящих до преступления несправедливостей, которых мне пришлось быть невольным свидетелем...» Здесь, как и на многих других островах Тихого океана, немцы подготовляли захват богатств, которые они не открывали и не исследовали. На Вуапе только что побывала команда прусского военного корвета.

Туземцы Вуапа, как и искусные мастера острова Пасхи, отличались умением строить прекрасные здания на каменных основаниях, большие

гробницы и мостовые. Маклай побывал у подножия ступенчатых пирамид Вуапа и, исследовав их, решил, что они очень похожи на гробницы островов Таити. Сын начальника одной из деревень, чертя концом тростника на песке, рассказал Маклаю предание о бесстрашном моряке Анагумане. Вуапский Одиссей плывал в далекую страну У-Канат. Люди этой страны и научили морехода добывать огонь и строить жилища из камня. Сказания о дальних скитаниях не были здесь случайны. Каролинцы давно славились как отличные пловцы, мореходы и географы. Они умели выкладывать на песке из тростника, раковин и камней настоящие навигационные карты, знали хорошо тридцать три звезды южного неба, указывавшие черным Одиссеям дорогу в океане. Красные и черные челноки каролинцев легко сновали между коралловых рифов. Старые моряки учили детей, чертя на влажном песке берега знаки созвездий и изображения островов.

Маклай побывал на многих островах. Всюду он неустанно вел свои дневники. Он посещал общественные хижины вуапцев, которые представляли собой нечто вроде клубов. Эти собрания могли быть также гостиницами, казармами и местами для ночных плясок. В таких клубах можно было видеть огромные каменные жернова, иногда в несколько тонн весом. Это были деньги, так называемые «фе». Их вывозили сюда с островов Палау. Жернов, хранящийся в клубе, представлял собой общественный капитал.

Маклай побывал на многих островах. Всюду он находил новое, важное и нужное для науки о человеке, которой он служил. И всюду он искал жемчужины своего разорванного ожерелья и находил их, пытливо проникая во все, казалось бы, мелочи жизни смуглых людей Микронезии.

От базальтовых скал Палау кораблик «Морская птица» долетел до островов Адмиралтейства. Здесь произошла знаменательная встреча с большой туземной пирогой, мачта и рея которой были украшены какими-то черными прядями. Присмотревшись, Маклай понял, что это человеческие скальпы. Вскоре выяснилось и их происхождение. Шкипер Голл год тому назад нанял жителей Вуапа ловить и коптить трепанга у островов Адмиралтейства. Около архипелага Хесус-Мария Голлу повстречалось множество лодок с туземцами. С перепугу шкипер открыл по ним огонь. Мало того, он послал в погоню за мнимыми врагами всех своих водолазов и коптильщиков. Их-то и перебили уже не на шутку обозленные туземцы. Голл позорно бежал от места побоища, а победители стали сдирать скальпы с несчастных ловцов трепанга. Человеческие волосы на мачтах, люди с ожерельями из собачьих и человеческих зубов, нанизанных вперемежку с

украшениями, продетыми сквозь носовую перегородку, богато татуированные, — вот что увидел Маклай.

Он рассматривал туземцев, поднявшихся на палубу «Морской птицы». У многих пожилых людей на спине или груди были привешены какие-то странные предметы вроде метелок. Тонкие ветки, собранные в пучок, были прикреплены к ручке, выточенной из берцовой кости человека. Маклай был первым, кто открыл обычай ношения «руен-римата» — костей отца или ближайших родственников, если они были знатными или выдающимися людьми. Маклай безошибочно разыскивал в толпе туземцев людей явно папуасского типа, рассматривал привезенную ими на корабль утварь — круглые чаши с искусной резьбой, плетеные сосуды, пропитанные смолами и древесными соками, каменные колья и кинжалы. Даже Маклая озадачили размеры огромных зубов у одного из исследуемых туземцев. Вот уж поистине находка для какого-нибудь расового ненавистника, который на основании такого факта поспешил бы открыть новую «неполноценную» расу!

На островах Адмиралтейства Маклай, как всегда, бесстрашно сошел на неведомый тропический берег, в районе деревень Пуби и Лонеу. Он видел огромные барабаны из древесных стволов — «барумы». Такие барумы когда-то гремели в его честь на Берегу Маклая. Он раздавал подарки, и островитяне позволяли делать измерения голов или сравнивать цвет их кожи с таблицей Поля Брока.

На островке Андра он вновь нашел людей с непомерно большими зубами в зарисовал их. Измерение голов показало, что туземцы островов Адмиралтейства были среднего роста, имели длинные головы, но у них наблюдалась сильная склонность к короткоголовости. Каждый новый результат измерения Маклая бил по старым антропологическим понятиям. Он снова убедился в том, что среди меланезийцев встречаются люди и с короткой формой черепа. Он отметил, что волосы меланезийцев растут так же, как и у белокурых европейцев: никаких пучков, ничего похожего на платяную щетку. А зубы? Огромные людоедские клыки, о которых так много разглагольствовали лжеученые, пытавшиеся разделить расы даже и по форме зубов. Маклай установил, что это не что иное, как гипертрофия зубной ткани, встречающаяся лишь у отдельных людей и которую нельзя принять за особенность целого племени.

Очень скоро тесная каюта на «Морской птице» была завалена и заставлена всякой всячиной, которую Маклай приобрел у туземцев — наконечниками копий, щитами, домашней утварью: ведь недаром он был не только зоологом и антропологом, но и этнографом.

В начале июня кораблик подошел к главному острову архипелага Агомес — Луб, где было много кокосовых пальм, но очень мало людей. Маклай подумал о том, что это признак убыли населения, когда-то многочисленного, судя по богатству пальмовых насаждений. Так оно и было на самом деле. И без того нищих островитян вконец разорили тредоры в другие «цивилизованные» варвары.

Именно здесь недавно свирепствовала команда европейского брига. Она сожгла цветущую агомесскую деревню, спалила пальмы, угнала свиней. В довершение всех несчастий в 1875 году море залило низменные места. Вода долго не спадала, и гнилостная лихорадка истребила многих жителей.

Маклай изучал причины вечных войн между архипелагами Агомес и Ниниго. Плодом раздора были кокосовые орехи. На ореховый промысел к Агомесу часто устремлялись целые флотилии с Ниниго. Агомесцы не желали уступать пришельцам своего хлеба — кокосовых пальм. У подножий пальм часто завязывались кровавые побоища. Агомесцы часто мстили жителям Ниниго и устраивали ответные набеги, захватывая рабов. Одного из таких пленников Маклай видел своими глазами на острове Луб.

Скитания черных Одиссеев, походы за рабами, браки с пленницами — все это заставляло Маклая думать о законах переселения племен Океании, искать общих законов возникновения и развития человеческого рода.

А «Морская птица» летела на всех парусах в синем-синем просторе. Легкий туман покрывал острова, то белые, то изумрудные. Маклай давал русские названия архипелагам — «Шашечница», «Отшельник»... В последних числах июня 1876 года путешественник почти не сходил с палубы шхуны и вглядывался в даль. Показался Берег Маклая...

АРХИПЕЛАГ ДОВОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Заскрипели доски трапа, когда матросы стали сгружать со шлюпки припасы, ящики, бочки, подарки для старых друзей Маклая. 27 июня он высадился на побережье возле Горенду. Звонкие папуасские барумы забили радостную тревогу. Все старые знакомые, особенно близкие, были живы. Маклая встречали Туй, его сын Бонем, Саул, горбоносый Каин, Коды-Боро, который когда-то по собственному почину, но чрезвычайно усердно искал невесту для Маклая. Барумы гремели и в Горенду, и в Бонгу, и в Богатиме, на острове Витязь, на Кар-Каро и в горных деревнях. «Маклай вернулся! Тамо-рус с нами!..» Это было живым чудом, сказкой папуасского народа. «Людоеды» плакали от радости при встрече со своим другом. Маклай расспрашивал, как живет маленькая Мария, что делает Дигусли и Теньгум-Маня, жив ли Далу из Бонгу. Папуасы наперебой приглашали Маклая поселиться, каждый — в своей деревне. Он выбрал Бонгу, вернее — ее окрестности. Корабельные плотники с помощью папуасов уже строили там жилье. Теперь это был настоящий дом из крепкого строевого леса. Новоселье свое Маклай справлял в кругу папуасов, двух слуг пелаосцев и повара-малайца.

Жители Берега Маклая рассказывали новости, накопившиеся с 1872 года. Во-первых, здесь с того времени произошло несколько землетрясений. Когда земля тряслась, многих папуасов изувечило падавшими кокосовыми орехами. Хижину Маклая в Гарагасси съели белые муравьи, но посаженные им пальмы целы. А огороды и сады папуасов каждый год приносят плоды. Если Маклай желает, его завтра же угостят печеной таитянской тыквой.

Миклухо-Маклай не умел отдыхать. Спустившись к устью речки Морель, он покинул шлюпку и побрел через холмы, покрытые густой травой «унаном». Вскоре он увидел четыре горные вершины. Перепрыгивая через расщелины, оставшиеся после землетрясения, преодолев глубокие овраги, он достиг деревни Марагум-Мана, побывал в селе Рай и пришел к берегу реки Гебенсу. Из горных деревень Маклай принес черепа, утварь и... вечную лихорадку. В августе, рискуя жизнью, он взошел на пик Константина, откуда увидел лежавший у его неутомимых ног Берег Маклая и сияющий океан.

В очередном отчете Русскому географическому обществу Маклай писал:

«...Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога: те же насекомые постоянно наполняют его коллекции, между тем как почти наверное при повторных сношениях с белыми не только права и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому, как я искал оран-сакай и оран-семанг в лесах Малайского полуострова...»

Здесь, в неведомой стране, Маклай думал, что он близок к вечным тайнам природы. Давняя мечта его сбылась: он наблюдал законы зарождения человеческого общества, изучал человека в его первобытном состоянии, со всеми его радостями и горем. Он убедился в высокой нравственности папуасов, в любви их к детям и семье, в их миролюбии. Он исследовал как антрополог еще сто пятьдесят папуасов и все более убеждался в том, что форма черепа не может быть решающим признаком расы.

Вот он идет рядом с Каином, человеком с умным, пристальным взором. На плече Каина лежит свесившаяся из уха огромная серьга, а в курчавых волосах торчит огромный гребень. В руках Каина копье, стерегущее Маклая от нападения любого врага. Вдвоем они плывут к острову, который назван Каином «Домом Голубей», там они сажают новые кокосовые пальмы.

Папуас Гассан сопровождает «Тамо-руса» на архипелаг Довольных Людей, или на остров Тамо Митебог, где хижины, подобно русским новгородским избам, украшены резными венцами, но не коньками, а изображением рыбы.

Кисем с острова Витязь, как и Каин, оказался неплохим гидрографом и мореходом. Маклай взял Кисема, Гассана, Каина и Саула в экспедицию на двух судах. Они высадились в деревне Телята. Там их встретил папуасский патриарх, самый древний старец берега. Он сказал Маклаю, что до его первого появления в Гарагасси здешний край никогда не видел белого человека.

Степенный, гладко выбритый Туй, с остатками ульсеновской шляпы на голове, нередко появлялся на пороге светлого дома. Он докладывает: Маклая приглашают на свадьбу в Горенду. Молодой парень Мукау женится на Ло из Гумбу. «Тамо-рус» их отлично знает. Маклай идет на празднество и записывает в одной из своих книжек подробности наивных свадебных обычаев своих друзей.

Был и такой случай. К Маклаю прибежал встревоженный Коды-Боро,

«сват» из Богатима. Заикаясь, он рассказал: два бездельника из Горимы, некие Абун и Малу, проболтались, что хотят убить «Тамо-руса». Коды-Боро умолял «лунного человека» не ходить в Гориму. Но Маклай, как всегда безоружный, пустился в путь. Он перешел по пояс в воде реку Киор, достиг Горимы и разыскал своих будущих убийц. Он сказал им, что верит жителям деревни, что он им никогда не причинял зла. Он добавил, что устал, хочет спать и ему очень некогда. И если уж Малу и Абун действительно хотят его убить, пусть поторопятся. После этой речи Маклай улегся спать, завернувшись в свое каучуковое одеяло, которое всегда носил с собой. Наутро Абун принес Маклаю подарок — живую свинью, позвал Малу, и они пошли провожать «лунного человека» до дому. Они шагали рядом с Маклаем таща связанную свинью, подвешенную к жерди, концы которой покоились на плечах папуасов. Оба имели пристыженный вид.

Однажды Туй и Саул озадачили Маклая совершенно неожиданным заявлением. Поселяне Бонгу и Горенду заключили между собой военное соглашение и на днях выступят против горных папуасов. Туй придумал хитрый способ извести врагов: он пристал к Маклаю с просьбой, чтобы тот... напустил землетрясение на горных жителей. Но «Тамо-рус» твердо заявил, что ни войны, ни землетрясения не будет. Войны он не допустит, пока живет здесь. И ретивые воины, покорные воле Маклая, попрятали свои копья и дубины.

Маленький худой человек окончательно сроднился с темнокожим народом. Он часто болел, его трепала лихорадка, мучила невралгия. Он терял остатки сил, но не сдавался болезням и не оставлял начатых работ. Он продолжал сравнительно-анатомические исследования вновь открытых им видов животных Новой Гвинеи. Ему удалось описать людей и природу Берега Маклая на большом пространстве, миль на двести вокруг Бугарлома. Маклай в совершенстве изучил все обычаи папуасов, строение их семьи и общины, знал их язык, искусство.

В конце 1877 года в залив Астролябия случайно зашла английская шхуна. Маклай решил отправиться на ней в Сингапур — привести в порядок коллекцию, засесть за книги и статьи о своих открытиях. Еще в Бугарломе он написал статью о ловле трепанга на островах Тихого океана. В ней он писал о бесправном положении туземцев, о всем том, что видел своими глазами. Он предлагал учредить в Океании особые станции международной защиты темнокожих племен.

Наступил тяжелый час расставанья... Маклай собрал папуасов и сказал им, что далеко не все белые люди дружески ведут себя с представителями черных племен, что сюда, на Берег Маклая, рано или

поздно придут злые белые люди. Он учил туземцев, что делать в этом случае, как держать себя с пришельцами. Но может случиться и так, что здесь появятся белые друзья Маклая. Они будут вести себя с папуасами как братья. Они подадут особый «знак Маклая», и тогда папуасы должны доверяться во всем братьям «Тамо-руса». А Маклай еще вернется сюда — один или со своими друзьями.

Так говорил Маклай. Папуасы слушали его в глубоком молчании. Он уехал, провожаемый плачем и протяжным и глухим стуком барумов.

СТРАНА ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ

В гербе Австралии должен быть помещен черный лебедь, окруженный лучами золотого солнца. Как прекрасна эта страна, в которой, по словам поговорки, молодеют даже старики! Маклай сначала не думал о поездке в страну Черного Лебедя. Но врачи сингапурского госпиталя не советовали, а прямо приказывали Маклаю ехать под целительные лучи австралийского солнца. Он умрет, если не выполнит этого приказа.

Маклай подумал о судьбе своих коллекций, о ненаписанных статьях и книгах. Нет, он не хочет умирать! В июле 1878 года, покинув сингапурский госпиталь, он появился в Сиднее. Синие бухты, утесы, яркие кроны деревьев, ярчайший желтый песок садовых дорожек, цветы и светлые здания — все это оправдывало прозвище «королевы юга», данное городу. Путешественника приютил сначала русский вице-консул в Сиднее Е. М. Паули, а потом — руководитель Австралийского музея Вильям Маклей, вместе с которым Маклай издал позже труд о хрящевых рыбах. Консул Паули мог показать сиднейскому новоселу, так долго не видевшему печатного слова, ворох европейских и русских изданий. Новостей было много. В 1876 году в Юрьеве угас дряхлый Карл Бэр. Перед смертью он занимался разведением цветов и писал статью о заслугах Петра Великого в области русской географической науки. Лев Мечников, русский географ и солдат освободительной армии Гарибальди в прошлом, принес первые переводы научных статей Маклая знаменитому географу Элизе Реклю; изгнанный из императорской Франции, Элизе Реклю в это время собирал материалы для своей «Всеобщей географии». Американский ученый, великий друг ирокезов Морган, выступил в печати с письмом в защиту индейцев. Это совпало с хлопотами Маклая о судьбах племен Тихого океана. «Тамо-руса» порадовала статья в газете «Голос». «Голос», издававшийся Андреем Краевским, бывшим журнальным соратником Белинского, сообщал тридцати тысячам своих подписчиков о жизни отважного соотечественника в Новой Гвинее. «Если... Миклухо-Маклаю удастся сплотить в одно целое разбросанное население северо-восточного берега и образовать самостоятельную колонию, то это будет большая заслуга перед человечеством. Для нас же может быть утешительной мысль, что представителем бескорыстных, истинно человеческих стремлений в этих далеких странах является русский гражданин...»

Появилось много новых работ о малайских странах, описаний Тихого

океана. Маклай набросился на книги, как голодающий на хлеб. О его новогвинейских подвигах писал журнал «Космос», а «Глобус» помещал биографию Маклая. Благородный и мудрый охотник за черепами Поль Брока напечатал у себя в Париже маклаевскую статью об искусстве папуасов. Имя Маклая появилось на страницах англо-австралийского журнала «Аргус», а свои записки об островах Вуап, Палау и архипелаге Адмиралтейства он увидел напечатанными в «Известиях» Географического общества.

Пять стран мира отдавали должное трудам Маклая. Но мало кто знал, что яванские и сингапурские купцы напоминали русскому ученому, что его долги достигли суммы в десять тысяч рублей в переводе на русские деньги. Заимодавцы требовали возвращения долга и процентов, иначе они не отдадут бесценных коллекций «Тамо-руса», пошедших в качестве залогов. Лишь один из всех кредиторов Маклая, китаец Ва Ли-пуа, отказался взять с него проценты, узнав, что деньги были ему нужны для научных работ. Зато вполне «белая» фирма «Дюммлер и К°», старалась вытянуть жилы из своего должника.

Письма в Русское географическое общество, содержащие просьбы о помощи, остались без ответа. Литературный заработок был смехотворно мал. Маклая угнетали постоянные заботы о куске хлеба и средствах на научные работы, а тут, как будто в насмешку, кто-то даровал скромному Маклаю громкий титул «барона».

Вскоре нищий папуасский барон перебрался на жительство в небольшую комнату при Австралийском музее. Туда принес он в старом клетчатом саквояже головы людей черного племени, умерших в сиднейских госпиталях. Пятьдесят рисунков исследованного мозга, фотографии и пояснительный текст вошли в золотой фонд мировой антропологии.

Страна Черного Лебедя влекла к себе Маклая. Он слышал о том, что скромные незабудки, похожие на цветы его новгородской отчизны, растут в Голубых горах, у подножий эвкалиптов и пальм. Но ни время, ни средства не позволяли ему поехать в прекрасные Голубые горы. Он изучал мозг австралийской ехидны, применяя новые методы и поправляя прежних зоологов. Подолгу он бродил по берегу бухты Ватсон-Бей, вспоминая учителя своей юности, дарвиниста Антона Дорна, руководителя Морской зоологической станции в Неаполе. Неутомимый исследователь решил устроить подобную же станцию в Ватсон-Бее. Начались бесконечные хлопоты. Маклай тревожил покой министров и сановников, пока не получил участка земли для станции, сам ходил с подписным листом по богатым домам Сиднея и добился того, что Морская зоологическая станция

— гордость ученой Австралии — была открыта. Маклай сам делал чертежи ее зданий, руководил постройкой и оборудованием. Он работал без отдыха. Приступы невралгии часто длились у него сутками. Приходилось прибегать к большим дозам лекарств, чтобы немного забыться в коротком и тревожном сне. К нему нередко возвращалась и «денга» — мучительная лихорадка тропических стран; от нее пухли суставы пальцев, и Маклай не мог держать перо. Тогда он диктовал кому-нибудь свои статьи и письма.

Из отдыха ничего не вышло. Наоборот, Маклаю стало тесно в стенах Австралийского музея, и он подписал очередной вексель. Деньги для путешествия на этот раз дал ему Вильям Маклей. Вечный скиталец Океании стал собираться в новый поход...

СТРАНА ЛЮДОЕДОВ

На рассвете 29 марта 1879 года шхуна «Сади Ф. Келлер» покинула порт Джексон. Шкипер Веббер вез товары в город Нумею — главный порт Новой Каледонии. Вскоре с палубы шхуны Маклай увидел ее берега и узкий полуостров Дюкос с голыми дикими холмами. Правее оконечности Дюкоса темнел остров Ну, прикрывавший собою вход в бухту. Здесь была темница героев Парижской коммуны. Великий географ Элизе Реклю, скованный цепями, прошедший восемнадцать тюрем, задыхавшийся в тесном этапном вагоне, лишь благодаря заступничеству ученых всего мира набежал ссылки в Новую Каледонию. Это было тогда, когда от берегов Франции отошла вереница черных кораблей с осужденными коммунарами. Уцелевшие от расстрелов палача Парижской коммуны генерала Галифе, от пыток и издевательств были согнаны, как скот, на каменистый берег Новой Каледонии. И вот уже семь лет, как благороднейшие люди земли томятся здесь, на Дюкосе, в соломенных хижинах Соснового острова, в каторжной тюрьме острова Ну. Коммунаров пытали: им надевали на пальцы пуссэт — острый железный перстень, отрезающий суставы, били кнутом, расстреливали у вкопанных в раскаленную землю высоких красных столбов. Сумасшедший дом был переполнен безумными, самоубийцы бросались с утесов в море или вешались на сандаловых деревьях. На каторжан натравливали островное население; туземцы рыскали в тропическом лесу, охотясь за беглыми ссыльными. Тех, кого удавалось поймать живьем, приносили в Нумею привязанными к жерди. Так на Берегу Маклая носят обычно свиней...

Маклаю казалось, что на этой земле еще не высохла кровь, пролитая во время восстания канаков — туземных жителей. Уцелевшие черные повстанцы жили теперь вместе с белыми узниками. А на покрытой могилами желтой земле Дюкоса, где нет ни воды, ни деревьев, ни трав, в жалкой хижине живет «ссыльная № 1», год тому назад поднявшая канаков против их общих врагов, пламенная участница коммуны — Луиза Мишель.

Губернатор Новой Каледонии капитан Жан Ольри был настолько любезен, что пригласил Маклая осмотреть тюремные здания. Русский был представителем великой страны, и Ольри прекрасно это понимал. Он принял меры и постарался спрятать от зорких глаз Маклая все то, что было невыгодно для островного начальства. Маклай увидел лишь чисто подметенные полы тюремных камер, больницу и мастерские, где

выделывают мебель из черного дерева. Арестанты не ели тюремный хлеб даром; недавно они построили на острове первый водопровод. Многие спрятали здесь от глаз русского. Он не видел «Нумейской официальной газеты», где можно было встретить объявления о продаже черных рабов. Его не познакомили с владельцем универсального магазина в Нумее, немцем, торговавшим меланезийскими невольниками. Но как ни оберегал Жан Ольри своего гостя от неприятных впечатлений, Маклай все же видел черных невольников на плантациях. Ему удалось увидеть в Нумее настоящую продажу рабов с публичного торга.

Наблюдая канаков, Маклай пришел к выводу, что они, несомненно, родственны папуасам. Островитяне жили общинами, разводили кукурузу и саго, ловили рыбу. Они поклонялись священному дереву, увешанному шкурками летучих мышей. Но канаки вымирали от чахотки и марсельской водки, смешивались понемногу с каторжниками, переведенными на поселение, и привозными рабами плантаций — меланезийцами, неграми и индусами. На острове не было певчих птиц, здесь водились лишь большие нетопыри, крысы, скорпионы и болотные змеи. Изображение скорпиона можно было бы поместить в гербе Нумей или на кокарде капитана Жана Ольри...

Вот какого пути придерживался Маклай в это путешествие 1879–1880 годов: Новая Каледония — острова Лифу — острова Адмиралтейства — архипелаги Ниниго и Луб — островок Андра — Соломоновы острова — архипелаг Луизиады — южный берег Новой Гвинеи — острова Торресова пролива — восточный берег Австралии. Миклухо-Маклай побывал в самом сердце Океании, в местах, куда не отваживались проникать белые путешественники. Научные открытия Маклая были огромны. Нелишне будет сказать, что в этот поход путешественник провел двести тридцать семь дней на берегах неисследованных островов и сто шестьдесят дней в плавании по бурному морю.

Маклай прошел по цепочке островов от Новой Каледонии до усеянного подводными камнями Торресова пролива. Он вновь посетил острова Адмиралтейства, где впервые собственными глазами наблюдал случаи людоедства. Но это не испугало его. Он спокойно бродил по деревням людоедов, ел туземной резной ложкой несоленый суп из мяса диких голубей и спокойно спал на открытом воздухе под сенью большого фикуса. Из «страны людоедов» он увез много рисунков, антропометрических измерений и составленный им словарь местного языка. Маклай побывал в порту Морсби, в юго-западной части Новой Гвинеи, и открыл тайну «желтых людей» побережья. Ему удалось

установить, что в жилах этих папуасов текла кровь с полинезийской примесью: по-видимому, когда-нибудь сюда бурей или волнами были занесены челны с жителями Полинезии. На Соломоновых островах и Луизиадах он проследил переходы от полинезийского к папуасскому типу и сделал драгоценные наблюдения над жизнью темнокожих туземцев. На острове Четверга больной странник уже не мог двигаться. Чужие люди снова помогли ему. Он лежал в доме Честера, английского чиновника Северной Австралии. Честер не думал, что Маклай останется в живых. Но он выжил.

ГОСПОДИН ОТТО ФИНШ

Мыс Йорк, самая северная точка Австралийского материка, устремляется своим острым носом в Торресов пролив. Близ него расположен поселок Соммерсет, где находится фактория для лова перламутра. Вокруг Соммерсета еще скитались остатки чернокожих австралийцев. Они влачили жалкую жизнь, питаясь личинками и червями. В то время ни один этнограф еще не решил, к какой расе можно причислить австралийцев. Изучением этого народа Маклай занялся тотчас же после выздоровления. Собственные наблюдения подсказали ему вывод: они не похожи ни на жителей Полинезии, ни на меланезийцев. Может быть, прав Томас Гексли, выделивший австралийцев в особую группу? Но сложный вопрос о происхождении австралийцев и об их положении в семье человечества нельзя было решить сразу. Обойдя весь материк по восточному побережью, Маклай углубился внутрь Австралии.

Май 1880 года застал Маклая в столице австралийского штата Квинсленд — зеленом и красивом Брисбэйне. Город жил добычей и вывозом кедрового дерева, ловлей устричных раковин, торговлей. Здесь Маклая встретили очень тепло. В комнату при местном музее, где он поселился, часто заглядывали разные люди: то землемер из межевой службы, приглашающий ученого воспользоваться приборами для работ, то госпитальный врач, который решил обрадовать Маклая известием, что в мертвецкой его ждет свежий труп чернокожего... Изучая мозг представителей темнокожего племени, Маклай не нашел никакой существенной разницы между мозгом австралийца и европейца. Этим он ответил лжеученым, утверждавшим, что мозг преступника, «дикаря» и обезьяны почти одинаков по своему строению.

Вот в двери стучится незнакомый посланец радости... Газета Краевского отыскала отважного соотечественника даже в Австралии. Специальный корреспондент «Голоса» утешает Маклая: скоро кончатся его бедствия. «Тамо-рус» не верит своим глазам, перечитывая газетные вырезки. Оказывается, на свете есть люди, которые не оставляют в беде. Путешественник Одоардо Беккари, исследователь Борнео, поместил в русской печати письмо с призывом о помощи Маклаю. Беккари требовал вырвать сокровища науки из рук купцов и банкиров, заплатить банкирам долги. «Честь и достоинство русского общества требуют принятия немедленных мер о пособии знаменитому русскому ученому...» — писала

петербургская газета. Более того, «Голос» уже перевел в Сидней деньги, собранные по подписке.

Но находились люди, которые не помогали, а мешали Маклаю работать. На страницах берлинского антропологического журнала появилась неумная сплетня о русском исследователе, художественно обработанная путешественником Финшем, книгу которого о Новой Гвинее когда-то изучал Маклай. Так произошло их первое заочное знакомство.

Из Брисбэйна Маклай совершил поездку в глубь Австралии — для поисков «безволосого племени», о котором писали европейские антропологи. Конечно, все эти сообщения оказались очередной досужей выдумкой. Вблизи городка Сен-Джордж, у реки Баллоны, действительно жили безволосые люди. Но это было не племя, а лишь одна семья, страдавшая наследственным уродством.

Посетив безволосых людей, Маклай на некоторое время вернулся к исследованиям мозга животных Австралии. Попутно он занялся палеонтологией. Около горы Глен-Инес он отрыл кости ископаемого чудовища. Это было животное вроде кенгуру, но величиной со слона.

В Квинсленде Маклай собрал подробные сведения о тайных похищениях и обращении в рабство жителей Тихого океана. Потом он пустился снова в путь... Он увидел весь восточный берег Австралии, от мыса Йорк до южной оконечности Виктории. И вот перед ним шумит славный город Мельбурн, сладко дышат магнолии в зеленых чащах Ботанического сада. Маклай спешит порадовать своими открытиями Фердинанда Мюллера, знатока растений Океании. Он отдает Мюллеру образцы «аписа», сок которого столь чудодейственно пропитывает ткани и делает их непромокаемыми. Бедный доверчивый «папуасский барон»! Он не знал, что Мюллер «затеряет» свидетельства этого замечательного открытия...

Еще одно несчастье подорвало силы Маклая. Он доверил на честное слово все свои коллекции, собранные в последний раз в Океании, шкиперу Вебберу. Шкипер исчез вместе с грузом. Вскоре прошел слух о его смерти.

Премьер-министр Нового Южного Уэльса, сэр Генри Паркер, решил помочь бездомному «папуасскому барону» и пригласил его поселиться в небольшом коттедже на участке сиднейской выставки. Утешение, как всегда, Маклай находил в напряженной работе. Он всколыхнул весь ученый Сидней, по его почину было создано Австралийское биологическое общество. В прямую зависимость от создания Морской зоологической станции нужно поставить и открытие зоологического сада в Сиднее. Теперь Маклаю можно было вдосталь наблюдать за поведением

необычайных австралийских животных — сумчатого утконоса и ехидны, мозг которой он так долго изучал.

Тем временем колониальная горячка в Германии росла. «Этнографические выставки» Гагенбека пользовались большим успехом в Германии. Папуасов и огнеземельцев показывали вместе с первой гориллой, доставленной в Берлин. В Гамбург все чаще и чаще привозили цветных людей со всех концов света. Немецкие фирмы прочно укреплялись в Новой Британии, процветали в Камеруне, немецкие плантаторы захватили земли на Фиджи, заключили «дружественный» договор с островами Тонга. Они сумели сподобить туземных вождей острова Новой Британии и купить у них за 261 доллар чудесную бухту Мекадо. Там была устроена немецкая угольная станция и заложены первые плантации.

В Меланезии выросла германская колония «Порт Бретон», рядом с немецкими торговыми станциями. Кайзеровские фрегаты и корветы не раз появлялись в Океании. Когда в 1880 году сильно пошатнулись дела одной фирмы, германский канцлер Бисмарк немедленно внес в рейхстаг предложение о ее субсидировании. Вскоре на Тихом океане возникла «Германская ассоциация торговли и плантаций Южных морей».

В это время по следам Миклухо-Маклая в Океании появился и господин Отто Финш. Еще в 1867 году он выпустил книгу «Новая Гвинея и ее обитателя». Новую Гвинею он наблюдал в... собственном рабочем кабинете. Жил он в то время в Бремене. Труд его о Новой Гвинее был всего лишь полным сводом сведений, выбранных из книг бременской и лейденских библиотек. На Тихом океане Финш побывал лишь в 1879 году. Он снимал гипсовые маски с лиц живых туземцев и усиленно занимался разрешением проблемы, где в Океании лучше всего устроить места для прусской ссылки. «Знающий ученый, работающий с Брэмом, трудолюбивый собиратель материалов» — так говорили об Отто Финше.

Три года скитался Финш по Океании. Он был на палубе военного корабля «Ариадна», когда немцы захватывали острова Самоа. Он был всюду, где в будущем кайзеровская Германия раскинет свои плантации, возведет поселения, выстроит тюрьмы. У него прекрасные средства для научных работ. «Германской ассоциации торговли и плантаций Южных морей» уже обещана субсидия в десять миллионов марок...

А в это время Маклай мечется по комнатам своего нового коттеджа. Он узнал, что в Сиднее среди бела дня замышлено истребление двух тысяч человек. Коммодор^[2] Вильсон готовится к походу на Южный берег Новой Гвинеи. Там произошло убийство белых людей и туземных миссионеров, и Вильсон по долгу службы был обязан наказать папуасов.

Маклай знал мирных поселян деревни Кало. Их теперь убьют, всех без разбора. Он идет, почти бежит по темным улицам и просит доложить о себе коммодору Вильсону. И коммодор дал слово солдата постараться быть справедливым. Маклай сам отправился на военном корабле к месту происшествия. Он был прав. Жители всей деревни не могли отвечать за убийство, совершенное одним человеком. Вильсон сдержал слово, и при высадке десанта в Кало был наказан только один убийца — некий Квайпо. Он был застрелен, а хижина его сожжена. Так Маклай спас жизнь двух тысяч людей.

СЫН ОТЕЧЕСТВА

Наступал 1882 год.

Маклай рвался на родину. Он знал, что есть такая болезнь — ностальгия, когда люди умирают в тоске по отчизне. Он всегда подчеркивал свою роль служителя русской науки, мечтал об издании книг о своих путешествиях — в первую очередь на родном языке. Он отказался от лестного предложения одного европейского научного общества, которое было готово купить все его сочинения. Маклай считал своим долгом сообщать прежде всего русским ученым о том, как он живет и работает в океанских странах. Все свои записки, коллекции и даже собственный череп — вместилище ясной и строгой мысли — он завещал родной стране.

Долгое время он только мечтал о поездке на родину. Он не мог ехать из Сиднея в Петербург без гроша в кармане. Но мечта Маклая сбылась, когда в Мельбурн пришла эскадра старого севастопольца, контр-адмирала Асланбегова, завершавшая двухлетний поход в океанах. С замирающим сердцем поднялся он по трапу клипера «Вестник», где его приняли как родного. На «Вестнике» он прибыл в Сингапур, а оттуда, пересаживаясь с одного корабля на другой, отправился в дальнейший путь. Ему надолго пришлось задержаться в Александрии, потому что в это время в Египте кипела война. В самом городе происходили кровавые события. Но и они не помешали Маклаю заниматься наукой. Он виделся с исследователем Африки, директором музея в Каире Георгом Швейнфуртом. Швейнфурт изучал карликовые племена Африки. Два ученых обсуждали проблемы родства негров с папуасами под грохот пушек, когда ядра разрывались на глиняных улицах древней Александрии. И снова один из вездесущих русских корреспондентов разыскал здесь Маклая, чтобы известить родину о скором его приезде. Отечество встречало своего прославленного сына...

1 октября 1882 года всемирно известный ученый Миклухо-Маклай выступил на собрании Русского географического общества. Тихим голосом, просто и без всякой рисовки Маклай сообщил об итогах своих работ за эти годы. Ему не удалось обобщить свои труды в толстых книгах. Но мог ли он писать их? На Малакке он прошел пешком всю страну и сто семьдесят шесть дней находился на ногах. Во время похода по Меланезии он сто шестьдесят дней пробыл в море, а двести тридцать семь суток — среди людоедов. Отдохнуть пришлось лишь двенадцать дней. Потом госпиталь в Амбоние, больница в Сингапуре, где он пролежал семь месяцев,

новогвинейские лихорадки, ностальгия, рожа, борьба со смертью на острове Четверга... Болезни так вымотали его, что в 1878 году он весил всего девяносто три фунта. Он рассказывал о днях, проведенных в хижине на Берегу Маклая, о скитаниях в лесах Малакки и Филиппин, о южном побережье Новой Гвинеи, об островах Тихого океана. Но он поведал не только о причудливых цветах людских стран, редких животных и коралловых грядах. Он говорил о человеке первобытного общества.

Все собрание затаив дыхание слушало Маклая. Секретарь Географического общества Семенов-Тянь-Шанский тут же заявил, что он будет добиваться издания маклаевских трудов. На большее общество не имеет средств. Но ведь еще не все коллекции выкуплены у банкиров. Нужны деньги для продолжения начатых работ, на жизнь и, наконец, на лечение... А на очереди большое путешествие в Африку, где Маклай надеялся окончательно разрешить загадку происхождения черных племен Океании и Малакки путем сравнения их с племенами Африки.

...Несколько раз Маклай перечитывал бумагу Русского географического общества. Горькая обида сжимала его сердце. Географическое общество готово было поддержать его, но оно само не имело ни средств, ни возможностей для этого: «К сожалению, Общество поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь как по недостатку собственных средств, так и потому, что предметы исследований М.-Маклая не входят непосредственно в круг деятельности Географического общества, точно определенный его уставом и ограниченный лишь изучением отечества и стран сопредельных...»

А по блестящим паркетам ученых зал уже ползла, как змея, сплетня, раздавались подлые смешки. Завистники и глупцы нашлись и там. «Помилуйте, — говорили они, — Маклай не сказал нам ничего нового. Он ничего не написал о Новой Гвинее, уж лучше прочесть обстоятельные компиляции Отто Финша или раскрыть Дюмон-Дюрвиля». Кто-то пустил глупую басню о том, что Маклай и не жил среди папуасов, а больше отсиживался в Калькутте. Почему именно в Калькутте — этого не знали и сами клеветники. Находились и такие, которые подавали Маклаю записки во время его докладов, спрашивали, каково на вкус человеческое мясо. Какая-то любознательная дама приставала к Маклаю с расспросами, умеют ли дикари плакать. Он спокойно ответил: «Умеют, — и с горечью прибавил: — Зато черные люди редко смеются...»

Но Маклай знал, что у него есть и друзья. Неизменный его доброжелатель «Голос» поместил теплое обращение к путешественнику, подписанное петербургскими студентами. Студенты Харьковского

университета прислали ему телеграмму. П. Н. Полевой, внук одного из русских тихоокеанских пионеров, напечатал о Маклае большую журнальную статью. Полевой писал: «Рано или поздно этот подвиг должен быть оценен по заслугам и достоинству». Суровый сибиряк Н. М. Ядринцев, ученый этнограф и публицист, порадовал Маклая большой статьей в своем «Восточном обозрении». «Дикарь перед судом науки и цивилизации» — так называлась эта статья. Ее содержание во многом совпадало со взглядами Маклая. Для настоящей науки нет слова «дикарь», а есть человек, находящийся еще в первобытном состоянии. Он полноправный член великой семьи человечества. Никаких низших рас не существует в природе. Их «вымирание» от причин, якобы predeterminedных свыше, выдуманно хозяевами плантаций, где черные рабы действительно вымирают от голодовок и непосильной работы.

Ядринцевская статья была смелым призывом к защите черных пасынков человеческой семьи. Ядринцев в ту пору был в Петербурге, слышал доклады Маклая, где тот подробно касался похищения людей в рабство разными средствами, на которое он насмотрелся всюду — от Новой Гвинеи до Малакки.

Славу Маклая не могли омрачить ни злобные выдумки реакционеров и завистников, ни деланное равнодушие к великим успехам русского ученого. О его труде и упорстве писали журналы и газеты всего мира — от Петербурга до Брисбэйна, от Саратова до Парижа. Известный художник Константин Маковский написал прекрасный портрет «Тамо-руса». Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило Маклаю золотую медаль.

Миклухо-Маклай спешил. Он не успел даже побывать в Киеве и повидаться с матерью и братом. Старший брат сам приехал к Николаю Маклаю в Петербург. Брат нашел прославленного ученого в темных номерах дешевой гостиницы, где тот писал доклады о положении рабов стран Тихого океана. Маклая тревожила судьба друзей, оставленных им на произвол судьбы в Новой Гвинее. Они простились, быть может, навсегда.

Маклай покинул Россию в декабре 1882 года, когда мороз уже сковал синий лед на Неве. Снова его охватили тревога и тяга к новым скитаниям. В Берлине он зашел к Рудольфу Вирхову. Ученый приветливо встретил Маклая и поручил ему сделать доклад в Антропологическом обществе.

В зале общества Маклай лицом к лицу столкнулся с Отто Финшем. Доверенное лицо вновь учрежденной «Немецкой компании Новой Гвинеи», Финш не зря появился в Берлине. В это время он уже готовил экспедицию по захвату Меланезии. Маклая поразило на заседании большое количество

людей с отличной военной выправкой, покрытых густым тропическим загаром. Кто они, эти обер-лейтенанты науки? Тут были знатоки Африки, готовящие захват Занзибара, Камеруна и Того, изверги, которые впоследствии вспарывали животы неграм и снимали скальпы с живых туземцев. Тут можно было встретить командиров морских канонерок, рыскавших в Тихом океане, ученых-разведчиков, вернувшихся из Австралии и Бразилии, лжеантропологов, «изучавших» цветные племена с пистолетом в руке.

Миклухо-Маклай не скрывал своей тревоги за участь черных племен. Он давно предвидел угрозу, нависшую над Океанией. Еще в 1881 году он записал в своей тетради: «...за миссионерами непосредственно следуют торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравниваются умением читать, писать и петь псалмы...»

В Париже Маклай побывал у И. С. Тургенева, с которым был знаком еще с 1867 года. Больной писатель встретил героя Океании пожатием уже беспомощной руки. Они говорили о России, о счастье, о человеческой судьбе, о назначении человека. Как страшный сон, Маклаю вспомнилась Новая Каледония. Он попросил Тургенева достать записки коммунаров об их жизни на островной каторге. Тургенев выполнил эту просьбу. Париж, музеи и научные общества... И снова старая знакомая дорога: Порт-Саид, Красное море, Индийский океан — как звенья в цепи вечных скитаний. Вот и тропическая Батавия. На рейде — русский военный корабль «Скобелев». Несмотря на поздний час, Маклай добился встречи с контр-адмиралом Копытовым и убедил его зайти по пути во Владивосток на Берег Маклая. Он спешил. Ведь Отто Финш тоже торопился в Океанию из Берлина.

«ЗНАК МАКЛАЯ»

Тоска и неясные тревоги не покидали Маклая. 16 марта 1883 года он, опершись на светлые поручни, смотрел с палубы корабля на знакомые берега. Вот он, пролив Изумруда, остров Кар-Кар, зеленый простор Берега Маклая, встающий над океанской синевой. Волнение и приступы лихорадки так мучили его, что он лишь через два дня смог пойти в Бонгу. Где Туй? Он не вышел навстречу, как в прошлый раз. Случилось что-то неладное. Бонгу превращена в кладбище, многих знакомых хижин нет. Не слышно смеха детей и пения женщин. Они ушли в горы, на побережье остались лишь старики. Здесь побывали белые люди. Они искали золото, зачем-то старались проникнуть в дом Маклая. Но папуасы не пустили незваных гостей. Так рассказывал Саул...

Туя уже нет в живых. Когда он умер, труп его, по обычаю предков, посадили на корточки, оплели листьями и три недели жгли костер у пальмовой гробницы. Бонем, сын Туя, хранит нижнюю челюсть старика: это все, что осталось от друга «Тамо-руса». Зато удалось увидеться с горбоносым Каином. Пришел и старый приятель Марамай — с кольцом в носу и кабаньими клыками на груди. Там, где когда-то высоко поднималась кровля Большого Дома бородатого отшельника, где желтели дорожки огорода, высились лишь остатки крепких свай. Но посаженные Маклаем плодовые деревья буйно раскинули ветви над развалинами. Русские матросы немало поработали тут. Они расчистили густой кустарник и посадили новые полезные растения — подарок Маклая папуасам. Он привез саженцы и семена тыкв, кофейного и цитрусового деревьев, манго, новые виды хлебного дерева. «Тамо-рус» щедро раздавал своим друзьям куски красной китайки, малайские ножи, зеркала, бусы, топоры. Саулу были вручены мешки с кофейными зёрнами; он должен был внести их в горные деревни, где зёрна лучше взойдут. С корабля на берег перевезли целое стадо домашних животных. Маклай закупил для папуасов еще в Амбонии коз, коров и горбатого бычка-зебу. Для них построили загон. При виде быка, мотавшего рогатой головой, бедные папуасы кинулись на деревья, некоторые стали искать спасения в море.

Теперьгодились мореходные таланты Каина, Марамая и Гассана. Маклай и Копытов взяли их с собой в качестве лоцманов и переводчиков при работах по промеру порта Алексей. Черные помощники очень боялись стука корабельной машины. С волнением Маклай следил, как на русской

карте появляются порт Алексей, что в бухте Астролябия; впадающая в него с севера река Миклухо-Маклая, пролив Сарычева, лежащий между материком и островом Скобелева. В синем лоне порта покоились острова Лебедева, Смирнова, Азелева. Мысы побережья были названы в честь Мещерского, Чупрова и других русских офицеров. В бухте Астролябия на Берегу Маклая есть и второй большой залив — порт Константин.

И вот последний поход по Новой Гвинее! Маклай, Каин и амбониец Ян плывут в туземной лодке по реке Аю, меж зарослей лиан и диких бананов. По руслу светлого протока они достигают лесного озера Аю-Тенгей, бросают весла и выходят на благоуханный берег. Людоеды деревни Бомбаси приветливо встретили «лунного человека», о котором они так много слышали от жителей побережья. Маклая угощали вареными овощами. Очень любезно папуасы рассказали гостю о всех обычаях, связанных с людоедством. Простившись с приветливыми хлебосолами, Маклай отправился обратно. Каин и Ян тащили большой лук, разные стрелы, копья: ими ученый пополнял коллекции новогвинейского оружия. На пути попадались цветущие плантации туземцев. Маклай задумчиво растирал на ладони черную тучную землю. Когда он взошел на берег Скобелева, грянул крупный тропический ливень. Дождь шумел до полуночи. Адмирал Копытов принял Маклая в своей каюте: он не мог нахвалиться прекрасной якорной стоянкой близ острова Сегу.

...Маклай проснулся до восхода солнца, вышел на мостик и развернул походную тетрадь. Утренний ветер шелестел бумагой, старался согнуть плотные листы. Маклай зарисовывал архипелаг Довольных Людей, вершины гор Мана-Мана-Боро. Кто знает, приедет ли он еще раз сюда!

Через день «Скобелев» поднял якорь и, оставляя за собой высокую волну, пошел проливом Изумруда, удаляясь от берегов Новой Гвинеи. Долго смотрел Маклай на зеленые берега...

В Гонконге Маклай узнал, что работоторговцы не оставляли Новой Гвинеи в покое. В марте 1883 года бригантина «Фанни» отправилась туда «вербовать» рабочую силу для промыслов и плантаций Квинсленда. Маклай чувствовал, что не может молчать. Вместе со знакомым исследователем Южной Новой Гвинеи, миссионером Чалмерсом, он написал гневное письмо английскому министру колоний лорду Дерби:

«...Мы уверены, что ни один туземец добровольно не покинет своего жилища на долгий период, требуемый плантаторами и другими нанимателями, чтобы работать на них».

Маклай возвратился в Сидней в пору хрустальных летних ливней. Вечный скиталец стоял у пепелища. Коттедж в парке Выставки, где он жил

в свой последний приезд, сгорел от неизвестных причин. В пламени погибла часть многолетних работ Маклая и разные экспонаты, в том числе препарированный мозг меланезийцев. Погорелец перебрался в домик при Морской станции на берегу Ватсон-Бей. Там он жил одиноко, в большой нужде. Частым гостем Маклая был Отто Финш, уже прибывший в Австралию. Немец знал все о работах русского ученого: что он пишет, какие коллекции собирает, что думает о самых насущных проблемах изучения Океании и ее народов. «Тамо-рус» был доверчив как ребенок. А Отто Финш уже успел собрать много денег для учреждения будущей колонии «Компании Новой Гвинеи». Немецкий черный орел уже взлетел над Африкой. Очередь была за Океанией.

В феврале 1884 года русский путешественник и ученый Николай Миклухо-Маклай женился на молодой вдове Маргарите Робертсон, дочери сэра Робертсона, бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса. Семья Робертсон жила в окрестностях Ватсон-Бея, в имении «Клобелли». В письмах к брату Маклай жаловался: он такой неудачник, что ему даже брак насилу удался. Кто-то внушил Робертсону, что на женитьбу надо получить разрешение русского императора, поскольку Маклай — российский гражданин. Больших трудов стоило уговорить австралийского политического деятеля обойтись без милостей царя.

Зловещее немецкое знамя поднималось в тот год над Африкой и Океанией. Уже в апреле Бисмарк заявил о германском «протекторате» над бухтой Людерица в Юго-Западной Африке. Немецкие авантюристы свирепствовали в Восточной Африке. Гамбургские купцы торопили правительство с захватом Того и Камеруна и с нетерпением рассматривали карты Невольничьего берега — страны масличной пальмы и каучука. На острове Фиджи звучала немецкая речь: там были основаны прусские колонии. За один лишь 1884 год немцами были основаны фактории и плантации на островах Милан, Наморек, Мажуро, Архно, Эбон, Ликнэб. Сорок немецких кораблей побывало в Джалуите в течение этого года.

Маклай напряженно следил за событиями. Он еще верил в благородство сильных мира сего. Он писал князю Бисмарку о том, чтобы «вообще все белые взяли на себя защиту прав темнокожих туземцев островов Тихого океана от бессовестной, несправедливой и зверской эксплуатации (похищение людей, рабство и т. п.)». Как бы в ответ на это осенью 1884 года Отто Финш поднял германский флаг над Берегом Маклая...

В одном из своих сочинений Финш сознался, что при захвате Новой Гвинеи он выдал себя за «брата Маклая». Недаром он так часто старался

видеться с русским ученым. Ему был нужен «знак Маклая», чтобы с его помощью овладеть доверием папуасов. При всем своей величин Маклай часто был простодушен. Он никогда не лгал, ничего не скрывал, особенно когда дело касалось любимой науки. Мы не знаем в точности, что было «знаком Маклая» — примета, условный предмет или своеобразный пароль. Но «знак» существовал, и, руководствуясь им, папуасы легко могли отличить белых друзей от недругов.

Папуасы спрашивали «брата Маклая», когда «Тамо-рус» вернется. Они с гордостью показывали незванным гостям подарки Маклая, называя их по-русски: «топор Маклая», «нож Маклая». Они знали русские слова: «арбуз», «тыква», «хлеб»... Как, вероятно, хохотали над ними немецкие лейтенанты!..

Нет больше Берега Маклая! На немецких картах появляются новые названия: Земля императора Вильгельма, архипелаг Бисмарка, Новый Мекленбург, Новая Померания, Гавань Финша. Немецкий флаг повис над Соломоновыми островами и Маршалским архипелагом. Горели туземные деревни. В красном пламени и густом дыму витал немецкий черный орел с окровавленным клювом.

МЕЧТА О ЛАЗУРНОЙ СТРАНЕ

Снова Маклай ехал в холодный Петербург. Немецкие газеты следили за каждым его шагом. Ползли гнусные сплетни: Миклухо-Маклай нашел в Новой Гвинее золото, но скрыл это, чтобы завладеть им без лишних свидетелей; Миклухо-Маклай хочет объявить протекторат России над островами Тихого океана... Сплетню подхватили некоторые русские газеты. Реакционный орган «Новое время» открыл целую кампанию против ученого. Газетный писака с темным уголовным прошлым, прикрывшись псевдонимом Житель, обвинял Маклая в... измене России. Он писал, что «папуасский король» хочет учредить республику на островах Тихого океана. Его поддержал другой журналист, близкий к официальным кругам. Дело доходило до прямых доносов: писали, что Маклай по субботам принимает у себя, на Тележной, 18, неблагонадежных и подозрительных людей — своих будущих помощников и подданных...

...Он был измучен постоянной борьбой за кусок хлеба, за право на спокойный труд. Ему удалось вырвать свои коллекции из рук сингапурских и яванских банкиров. Но теперь его богатства были в руках начальника станции Николаевской дороги. Ирония судьбы... Ведь когда-то именно эту должность занимал отец Маклая, инженер-капитан Миклухо-Маклай.

«Что касается моих коллекций, то они продолжают мирно пребывать на товарной станции Николаевской железной дороги. Несмотря на мои хлопоты, Академия наук и на этот раз, вероятно, желает оправдать установившуюся за ней репутацию, что она существует только для немцев, и решительно отказала мне в каком-либо помещении для моих коллекций, которые я намеревался поднести ей в дар...»

Так писал в одну из петербургских газет в 1886 году уже седой и согбенный Маклай. Он знал, что кто-то в Академии наук уже начал переговоры с Отто Финшем относительно приобретения у него этнографических коллекций из Новой Гвинеи.

Наконец после долгих хлопот и мучений открылась выставка. Ее успех можно сравнить только с тем успехом, который ровно через год имела выставка великого открывателя Центральной Азии — Николая Михайловича Пржевальского. Маклай открыл для России лазурный мир Океании, показал родине жизнь далеких племен, их искусство, промыслы, обычаи. Он вплотную подошел к истокам происхождения человеческого рода.

Но Маклай был обречен. Болезни, подвижнический образ жизни, непосильная работа подорвали его силы. Он еще мечтал, что сумеет найти отважных и честных русских людей, которым он может доверить «знак Маклая». Он думал, что эти люди смогут жить в мире с темнокожими людьми, как он жил когда-то с Туем и Саулом. Он хотел спасти тех своих черных друзей, до которых еще не дотянулась рука Отто Финша, прийти к ним на помощь.

Маклай ездил в Москву. Там его разыскал в Лоскутной гостинице антрополог Анучин. Ученик Поля Брока был поражен видом героя Тихого океана. Маклай постарел, истаял, был похож на пламя гаснущей свечи. Он зябко поводил плечами, жаловался на давнюю свою невралгию. Географическое общество медлило с изданием его трудов; обещания царя издать книги Маклая за его, государев, счет остались на бумаге. Все идет прахом... Он не имеет возможности работать. Анучин стал выговаривать Маклаю: нельзя Николаю Николаевичу так разбрасываться. Конечно, он — талант, но таланту нельзя простить того, что он раскидывает всюду жемчужины своего дарования. Эта щедрость только вредит науке. Посудите сами — антропология, анатомия, этнография, филантропическая деятельность. Нельзя так увлекаться! Маклай машет тонкой рукой, когда знаменитый коллега покидает его комнату.

Некоторые ученые-педанты пожимают плечами, передают друг другу газетные сплетни, но никто не может отнять у Маклая его славы, трудной славы героя и подвижника. Его знает народ. Безвестный деревенский самородок Иван Киселев пишет «Тамо-русу» о желании сопутствовать ему в путешествии в Лазурную страну. Две тысячи русских людей — всех возрастов и разного общественного положения — выразили желание ехать с Маклаем на Тихий океан. Но мечта о Лазурной стране рассеялась как дым: все они не имели ни гроша за душой, а на жалкие добровольные средства надеяться было нельзя! В октябре 1886 года специальный «комитет», созданный по указке царя, отказал Маклаю во всякой поддержке. «Считать это дело окончательно конченным; Миклухо-Маклаю отказать», — начертал на докладе «комитета» Александр III.

«Тамо-рус» мужественно перенес и этот удар. Он знал, что лучшие люди мира и отчизны с ним. Вся свою жизнь он ощущал незримые нити, которые связывали его с Тургеневым, Мечниковым, Геккелем, Бэрром, Реклю, Гекели, Полем Брока... Последняя золотая нить протянулась в Ясную Поляну. Вот драгоценное письмо с высокими буквами. Оно получено в октябре 1886 года. Что значит все «комитеты» по сравнению с этим простым и великим словом!

«...Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции, но наш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми... Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения, — я беру эти слова назад, — а отвечайте на существенное...» — так обращался яснополянский отшельник к «лунному человеку». Лев Толстой писал эти строки больным, когда он не вставал с постели. Но он не мог не написать их. И Маклай решил принять совет Толстого и рассказать миру о своем опыте общения с первобытным человеком.

А что делалось в том, другом, страшном мире? Немецкий разбой поверг в пламя Камерун, страну Того, Занзибар. Имперский консул на островах Самоа устраивал заговоры и перевороты, сажал на престол самозванных туземных «королей». Некий доктор Аркинг печатно объявил, что его опыт прививки проказы цветному человеку вполне удался. В кайзеровской Германии взошли новые ростки науки ненависти к человеку. Появились новые творцы оскорбительных для человечества «теорий», оправдывающих захваты, колониальные войны ссылками на неравенство народов и племен. «Если со всей европейской изнеженностью будешь поставлен в необходимость подчинить себе варваров в каком-нибудь Конго или еще где-либо, тогда на практике, своими руками, поймешь, как нужно обращаться с грубыми народами, тогда поймешь, что «варварство» средств не является чем-то произвольным...» — так рассуждал в то время модный немецкий философ Фридрих Ницше.

В 1886 году Маклай снова отправился в Сидней. Он ехал туда за семьей, коллекциями, материалами. По пути он побывал в Аделаиде, описал железную дорогу Аделаида — Мельбурн, разузнал все, что касалось замечательного опыта австралийца Джеймса Брауна по насаждению эвкалиптов в бесплодных пустынях. Маклай установил, что австралийские животные быстро приспосабливаются к новой среде. Европейский кролик в Австралии научился взбираться на деревья, переплывать реки, перелезать через изгороди: чем не открытый когда-то Маклаем в Новой Гвинее «древесный» кенгуру? Вечная любознательность не покидала Маклая. Но в Сидней он приехал совершенно больным. Его хотели уложить в больницу, уговаривали поехать в санаторий в Голубых горах, но он не соглашался. Надо было спешить на родину, где его ждут большие труды.

Он разбирает свои бумаги... Шестнадцать записных книжек, шесть толстых тетрадей, планы, карты, собственные рисунки, газетные вырезки, журнальные статьи, дневники разных лет. Маклай хотел для начала подготовить два тома: первый — о Новой Гвинее, второй — о Малакке и островах Океании. А чем объединить работы по зоологии и анатомии, «Записку о Панамском канале», воспоминания о встрече с Тургеневым, антропологические статьи, записи об африканском походе и еще многое, что он написал? Надо собрать для издания на русском языке десятки статей по самым разным вопросам. Они рассеяны по страницам батавских, английских, австралийских изданий. А письма в защиту туземцев, научная переписка! Нужно нанимать людей, для того чтобы снять копии с сотен рукописей. Ему придется просмотреть все рисунки, чтобы сделать к ним подписи. Надо спешить. Другие исследователи Новой Гвинеи уже выпустили записки о своих странствиях. А он, который сделал больше всех путешественников, не может издать свои книги.

С Берега Маклая приходили тяжелые вести. Правитель немецкой Новой Гвинеи продолжал выселение папуасов из приморских деревень. Туземцев оттеснили в горы, в дикие леса: деревни сравнивались с землей. Об этом немцы открыто писали в своих колониальных вестниках. Особенно немцы были ожесточены на жителей острова Били-Били. Впоследствии всех их поголовно сослали к устью реки Гогол в наказание за «мятеж». Немецкому правителю Берега Маклая было приказано уничтожить все следы пребывания великого «Тамо-руса» на берегах бухты Астролябия. Этот приказ был исполнен с примерным прилежанием.

Маклай терзался мыслью, что он невольно обманул папуасов, внушив им мысль о своем возвращении. Часто он повторял свою любимую индийскую поговорку: «Всего вернее на свете слово честного человека». Ведь Саул или Каин не могли знать, почему Маклай не вернулся к ним. И страшно было подумать, что чужие, жестокие люди могли злоупотребить «знаком Маклая»...

В Сиднее пришлось пережить еще один удар. Вся работа Морской зоологической станции, которую с таким увлечением основывал когда-то Маклай, находилась под угрозой. Какому-то коммодору очень понравилась бухта Ватсон-Бей, и он захотел устроить там корабельную стоянку. И станцию решили закрыть.

Странник Океании возвращался в Россию. Он навсегда покидал страну Черного Лебедя, гостем которой он пробыл так долго. Прощайте, прекрасный Сидней, гостеприимный хранитель музея Вильям Маклей, аллеи Ботанического сада, благоуханные сады Параматты!...

В тесной каюте корабля «Неккар» Маклай почти не мог встать с койки. Приступы невралгии длились целыми днями. Он потерял сон. Но он все еще жил мечтой о встрече с Львом Толстым. Вот он идет по чистым тульским полям, через березовые рощи, через луга, покрытые незабудками, туда — в обитель великого знатока человеческих сердец. Там он расскажет все о своих скитаниях по земному шару, о том, как он испытывал счастье под кровлей хижины, окруженной зарослями багровых цветов, где на высоком дереве клубился аметистовый питон, где смерть не раз приближалась к нему. Он хотел рассказать Толстому о счастье жить и трудиться на пользу науки о человеке, о том, как он искал человека в диком малайском оране, в океанском людоеде, в робком и забитом негритосе Филиппин. Маклай беспокоился, получил ли Лев Толстой портрет, который был послан ему в подарок. «Тамо-рус» боялся взглянуть на себя в зеркало — так он постарел и осунулся. Большие, когда-то синие глаза были красны от бессонницы, седина покрывала виски, белые нити блестели в бороде. Невралгия сводила судорогой бледное узкое лицо, боль гнездилась где-то в глубине щеки в скулах, и боль эту нельзя было унять ничем — ни теплом, ни растираниями. Но он не сдавался. Он работал над составлением первого тома своих «Путешествий».

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

По прибытии в Петербург Маклай слег окончательно. Больному не разрешали работать, отняли даже карандаш и тетради. Тогда он стал диктовать свою автобиографию. Радость его была безмерна, когда он получил только что отпечатанную свою книжку «Отрывки из дневника 1879 года». Книжку эту он немедленно послал в Ясную Поляну. Пусть Лев Толстой видит, что его письмо не осталось напрасным.

Однажды, несмотря на строгий надзор, к Маклаю в руки попал случайный газетный листок. Он пробежал заголовки телеграмм и откинулся на измятые подушки. Газета сообщала, что Германия объявила об окончательном присоединении Новой Гвинеи к Германской империи. Комедия «протектората» была окончена! Лазурная страна навсегда отнята у Маклая, а его темнокожие друзья навеки отданы в когти черного орла. «Тамо-рус» потребовал перо. Никто не может теперь запретить ему писать. Он напишет всего несколько строчек. Это телеграмма германскому канцлеру, его светлости князю Отто Бисмарку, гневный крик благородного и смелого сердца:

«Туземцы Берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии...»

Маклай сказал это за всех — за Саула, Бонема, Каина, за всех туземцев новой германской колонии. Телеграмма полетела по заиндевшим проводам в холодный и жестокий Берлин...

Вскоре после этого Маклай совершал свое последнее путешествие — по проспектам столицы в огромный дом клиники Виллие при Военно-медицинской академии. Светлая палата как бы собирала лучи зимнего солнца. Больной лежал на простой железной койке, покрытой грубым казенным одеялом. Он сознавал свой близкий конец и беспокоился о составленном уже давно завещании. Главное свое богатство — мозг — он оставляет русской науке, ей он завещает все свои бумаги, коллекции, все написанное и напечатанное им.

Шесть недель он провел в жестоких страданиях. Лихорадка, невралгия, водянка... На нем не было живого места. Русские медики умели храбро отстаивать человеческую жизнь. Но горячее сердце Маклая билось все глуше и глуше. Сколько тяжелых видений прошло перед бессонными глазами! Палачи, торговцы рабами, узники Новой Каледонии, каторжный перстень, дробящий кости, бесстыдные скупщики жемчуга и лжеученые,

похитители чужой славы...

Он так ослаб, что не мог поднять исхудалой левой руки, на которой были видны узоры татуировки. Верный своему правилу — проверять исследования на самом себе, он сделал эту татуировку, когда изучал нравы туземцев Тихого океана. Теперь синие узоры были еще отчетливее видны на бледной коже. Это был знак Океании...

Маклай умер на больничной постели в 9 часов 30 минут пополудни в субботу, 2 апреля 1888 года. Хоронили его на Волковском кладбище. На незаметной могиле великого сына русской земли поставили деревянный крест с короткой надписью. Из родных был брат Михаил Миклухо-Маклай, геолог.

Профессор Модестов сказал на свежей могиле, что отечество хоронит человека, который прославил Россию в далеких углах необъятного мира, и что этот человек был одним из самых редких людей, когда-либо появлявшихся на нашей старой земле.

1944 год

notes

Примечания

1

Прежнее название нынешнего Таиланда. (*Примеч. ред.*)

В английском и некоторых других флотах чин, промежуточный между контр-адмиралом и капитаном 1-го ранга.